

ПРОБЛЕМЫ КОГНИТИВНОГО И ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ОПИСАНИЯ РУССКОГО И БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКОВ

ВЫПУСК
18 / 1

**PROBLEMS OF COGNITIVE
AND FUNCTIONAL DESCRIPTION OF
RUSSIAN AND BULGARIAN
LANGUAGES**

Volume 18 / Issue 1

Университетско издателство
“Епископ Константин Преславски”

Шуменски университет
“Епископ Константин Преславски”
Факултет по хуманитарни науки

**Проблеми когнитивного и
функционального описания русского и
болгарского языков**

Выпуск 18 / 1

**Problems of cognitive and functional
description
of Russian and Bulgarian languages**

Volume 18 / Issue 1

Шумен
2024

Настоящий выпуск журнала посвящен нашим дорогим коллегам, недавно ушедшим от нас – проф. д-ру Валентине Аврамовой, доц. д-ру Анне Николовой, доц. д-ру Стефке Калевой, гл. ас. Ценке Митевой и гл. ас. д-ру Христине Дамяновой, – отдавшим Кафедре русского языка Шуменского университета свои силы, энергию и профессионализм на протяжении долгих лет.

Издание тематично объединяет статьи исследователей Болгарии, Беларуси и России в междисциплинарных сферах: *Межкультурная коммуникация, перевод, культура*. Журнал издается на средства научно-исследовательского проекта кафедры русского языка Шуменского университета (№ РД-08-85/30.01.2024 г.). Научный журнал индексируется в *РИНЦ, ERIHPLUS, CEOOL, SCRIBD, Global index for Continuing Researchers, Google Scholar* и включен в *Национальном референтном списке НАЦИД*.

Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков. Выпуск 18/1. Шумен: Университетско издателство „Епископ Константин Преславски“, 2024. 101 с.

Ответственный редактор:

доц. д-р Ирена Петрова

Редакционная коллегия:

проф. дфн Стефана Димитрова, Болгария

проф. дфн Ирина Лешутина, Россия

проф. дфн Ивелина Савова, Болгария

проф. д-р Неля Иванова, Болгария

доц. кфн Гигла Джинджолия, Чехия

доц. д-р Милена Палий, Болгария

доц. д-р Надежда Стойкова, Болгария

гл.ас. д-р Дияна Николова – техн. редактор

ISSN 2603-3143 (Print)

ISSN 2603-3151 (Online)

© Университетско издателство „Епископ Константин Преславски“

ОГЛАВЛЕНИЕ

Межкультурная коммуникация, перевод, культура

Зуева Екатерина	Колоронимы в цикле «Эпопея забытых» Ивана Вазова	7
Николова Дияна	Виртуалният дискурс – проекция на реалната комуникация	17
Стойкова Надежда	Семантическая структура тематических высказываний в качестве фатической единицы для установления первоначального речевого контакта (на примерах из русских и болгарских художественных текстов)	34
Терзиева Татьяна	Специфика перевода фразеологических единиц (на материале русского и болгарского языков)	52

Рецензии

Гочев Гочо	Рецензия на монография: Т. В. Терзиева. „Терминология автомобилестроения:	75
-------------------	---	----

Димитрова Стефана	стилистический, структурно-семантический и лексикографический аспекты“	
	Рецензия на монография:	83
	Николова Д. Г.	
	„Лингвокультурный аспект современной компьютерной терминологии (на материале русского и болгарского языков)“	

IN MEMORIAM

Анна Николова	92
(1942–2023)	
Валентина Аврамова	96
(1944–2024)	
Христинка Дамянова	100
(1956–2022)	

CONTENTS

Intercultural communication, translation, culture

Ekaterina Zueva	Coloronyms in the cycle “The epic of the forgotten” by Ivan Vazov	7
Diyana Nikolova	Virtual discourse – a projec- tion of real communication	17
Nadezhda Stoykova	Semantic structure of thematic utterances as a phatic unit for establishing initial speech contact (on examples from Russian and Bulgarian literary texts)	34
Tatyyana Terzieva	Specificity of translation of phraseological units (on the material of Russian and Bulgarian languages)	52
<i>Review</i>		
Gochev Gocho	Review of dissertatsionen labour. T. V. Terzieva. „Terminology of automotive engineering: stylistic, structural-semantic and lexicographic aspects“	75
Dimitrova Stefana	Review of the monograph. Nikolova D. G. Linguocultural aspect of modern computer terminology (on the material	83

of Russian and Bulgarian
languages)

IN MEMORIAM

Anna Nikolova (1942 – 2023)	92
Valentina Avramova (1944 – 2024)	96
Hristinka Damyanova (1956–2022)	100

КОЛОРОНИМЫ В ЦИКЛЕ «ЭПОПЕЯ ЗАБЫТЫХ» ИВАНА ВАЗОВА

Екатерина Зуева

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению колоронимов и их роли в цикле «Эпопея забытых» известного болгарского писателя Ивана Вазова. В рассматриваемом цикле поэм присутствуют ахроматические и хроматические цвета, а также цвета смешанного спектра. Делается вывод о том, что цветовую картину мира цикла «Эпопея забытых» Ивана Вазова можно назвать хроматично-ахроматичной, ключевыми являются красный и черный цвета, также цветовая картина мира создается посредством лексем кровь, дым, пламя, искра и т.д. Отмечается, что колоронимы в цикле Ивана Вазова «Эпопея забытых» выполняют различные функции: описывают человека, различные предметы, природу, животных, локации, часто цветообозначения используются в переносных значениях.

Ключевые слова: Иван Вазов; «Эпопея забытых»; хроматический / ахроматический колороним; цветовая картина мира; функции колоронимов

DOI: <https://doi.org/10.46687/MPQC7943>

COLORONYMS IN THE CYCLE “THE EPIC OF THE FORGOTTEN” BY IVAN VAZOV

Ekaterina Zueva

Abstract: The article is devoted to the consideration of coloronyms and their role in the cycle “Epic of the Forgotten” by the famous Bulgarian writer Ivan Vazov. In the considered cycle of poems there are achromatic and chromatic colors, as well as colors of a mixed spectrum. It is concluded that

the color picture of the world of the cycle “Epic of the Forgotten” by Ivan Vazov can be called chromatic-achromatic, the key colors are red and black, and the color picture of the world is created through lexemes of blood, smoke, flame, spark, etc. It is noted that coloronyms in Ivan Vazov's cycle “Epic of the Forgotten” perform various functions: they describe a person, various objects, nature, animals, locations, often color designations are used in figurative meanings.

Key words: Ivan Vazov; “Epic of the Forgotten”; chromatic / achromatic coloronym; color picture of the world; functions of coloronyms

Проблемами цвета и его наименований интересуются самые разные ученые: физики, химики, лингвисты и литературоведы, этнографы, философы, психологи, искусствоведы, богословы, т. е. «цветовая символика – очень актуальный предмет исследования в наши дни. Проблема цветовой символика является проблемой общегуманитарного плана» [3, с. 28]. Исследование колоронимов и цветообозначений на протяжении многих лет является актуальным. Цветовая картина мира является одной из важнейших составляющих языковой картины мира, «состоит из национально-культурной семантики лексики цветоименований и включает цветовое пространство как совокупность всех цветов» [6], отражающихся в колоронимах. «У каждого поэта можно обнаружить свою цветовую гамму, сочетания цветов и оттенков. Языковые цветовые единицы выполняют в художественном тексте номинативно-иллюстративную, эстетическую и символическую функции» [6]. Крупнейшим художником-реалистом болгарской литературы является Иван Вазов, который «создал художественную картину национальной жизни <...> Его обширное творческое наследие вошло в духовную культуру болгарского народа как художественное воплощение национального самосознания» [1, с. 465]. «Эпопея забытых» «представляет собой классический образец национально-героического эпоса о недавней эпохе освободительной борьбы» [1, с. 466]. В

структурном плане цикл «Эпопея забытых» состоит «из двенадцати небольших поэм, каждая из которых рисует драматическую, а порой и трагическую историю активных борцов за дело независимой и свободной Болгарии» [3, с. 12]. Цель статьи – рассмотрение колоронимов в цикле «Эпопея забытых» Ивана Вазова, установление их роли в цикле и выявление особенности цветовой картины мира автора. Источником для сбора языкового материала стал цикл «Эпопея забытых» (в переводе А. Гатова, В. Луговского, Я. Галицкого) [8]. Фактическим материалом послужило 86 колоронимов, отобранных методом сплошной выборки из поэм, составляющих цикл «Эпопея забытых».

В цикле «Эпопея забытых» выделен собственно **ахроматический** колороним **черный** (10 цветообозначений), который представлен соответственным прилагательным: «*Покрившись монашеской рясою **черной**...*» («Левский», [8, с. 77]). «*Его погубил своим **черным** обманом*» («Левский», [8, с. 80]). «*Двадцать **черных** ружей целятся в него*» («Бенковский», [8, с. 83]). «*...Как молнией **черной** расколотый бук*» («Кочо» (Защита Перуштицы), [8, с. 87]). «*Как призрак, ты, **черным** конем вознесен*» («Братья Милодиновы», [8, с. 101]). «*Шел к столбу позора, к **черному** столбу*» («Караджа», [8, с. 108]). «***Черный** сброд турецкий тут же онемел*» («Караджа», с. 108). «*И на орды вражьи **черным**, страшным роем...*» («Ополченцы на Шипке», [8, с. 114]). «*«Темный лес дремучий, лес под небосклоном / Тем **черней**, чем дальше*» («Бенковский», [8, с. 82]). *Пусть мрачнее тучи, полночи **черней** / Память униженья*» («Ополченцы на Шипке», [8, с. 112]). **Черный** цвет «поглощает все другие цвета, <...> выражает отрицание и отчаяние <...> обозначает негативное начало» [5, с. 418], «символизирует горе, скорбь» [4, с. 246].

Встречаются слова, не называющие конкретный ахроматический цвет: **темный** (7 прилагательных): «*Глядел*

он в грядущее **темное** смело» («Левский», [8, с. 78]). «Подростки без устали в **темном** подвале» («Каблешков», [8, с. 95]). «Где в **темной** чащобе взор путника тонет» («Паисий», [8, с. 96]). «В Белграде и в Прилепе в **темной** пещере» («Братья Милодиновы», [8, с. 101]). «И в древности **темной** глухие провалы» («Раковский», [8, с. 105]). «Поселился **темный** и угрюмый страх» («Караджа», [8, с. 107]). «Был веревкой скручен – взял его в полон / **Темный** поселянин» («1876», [8, с. 110]); **светлый** (5 колоронимов): 4 прилагательных: «И пряма и **светла** – / Дорога в бессмертье героя вела» («Левский», [8, с. 81]). «Взгляд нигде надежды **светлой** не находит» («Ополченцы на Шипке», [8, с. 113]). «Чувства в них обоих **светлые** пылали» («Караджа», [8, с. 107]). «На сердце у всех становилось **светлее**» («Левский», [8, с. 80]); 1 глагол: «Но **светлеют** души – ведь Бенковский тут» («Бенковский», [8, с. 83]); **бледный** (8 колоронимов) выражен прилагательными (3): «Он взглянул на **бледный** лоб окровавленный...» («Бенковский», [8, с. 84]). «Увидала рано **бледная** заря – / Вся в крови дымится Средняя гора» («1876», [8, с. 110]). «**Бледные**, бежали от враждебных орд» («1876», [8, с. 111]), глаголами (5): «И кровь проливалась, и лица **бледнели**» («Кочо» (Защита Перуштицы), [8, с. 86]). «...Обрызганных кровью, безмолвно глядел, / **Бледнел** он, испуга в груди не тая...» («Кочо» (Защита Перуштицы), [8, с. 86]). «Но младший **бледнеет** от ужаса брат» («Братья Жековы», [8, с. 90]). «Сын **бледнел** от страха, увидав отца» («Караджа», [8, с. 107]). «И мать **побледнела**...» («Кочо» (Защита Перуштицы), [8, с. 88]); **белесый** (1 прилагательное): «Вся в костях **белесых**, вечности сестра, / Выситя седая мшистая гора» («Ополченцы на Шипке», [8, с. 112]).

В цикле «Эпопея забытых» встречаются следующие **хроматические** колоронимы: 1. **Желтый** (2 колоронима) представлен прилагательными: «Во власти его, палых листьев **желтей**, / Трусливый отец выдает сыновей...»

(«Братья Жековы», [8, с. 90]). «*В судорогах принял смерть один из них, / А другой – **желтее** стал цветов сухих*» («Караджа», [8, с. 107]). **Желтый** – «может символизировать славу и божественную власть» [7, с. 431], но он имеет и противоположную трактовку: «цвет предательства, ревности, трусости и лжи» [5, с. 63]. 2. **Синий** (2 колоронима): одно прилагательное «*Часто оглашался неба **синий** кров*» («Караджа», [8, с. 108]) и одно имя существительное «*Увидели Завтра в нетронутый **сини**...*» («Каблешков», [8, с. 95]). **Синий, голубой** – «цвет ясного неба и моря, он символизирует высоту и глубину, постоянство, преданность, правосудие, совершенство, а также размышление и мир» [5, с. 199]. 3. **Красный** цвет не встретился, но присутствуют близкие к нему: прилагательное **алый** (2 употребления): «*Пятнали враги **алой** кровью невинных*» («Каблешков», [8, с. 93]). «*Алую дорогу пролагает штык*» («Ополченцы на Шипке», [8, с. 114]); прилагательное **кровавый** (8 употреблений): «*... С их грязной, **кровоавой** и дикою ратью...*» («Кочо» (Защита Перуштицы), [8, с. 86]). «*Кровоавого торжища враг захотел...*» («Кочо» (Защита Перуштицы), [8, с. 88]). «*И Кочо увидел, как будто спросонок, / Головку ребенка, **кровоавый** клинок...*» («Кочо», [8, с. 88]). «*Рассвет был холодный и мрачный, **кровоавый***» («Братья Маладиновы», [8, с. 102]). «*Был Митхад доволен столь **кровоавой** вестью*» («Караджа», [8, с. 107]). «*Чтоб не забывали мы тот год **кровоавый***» («1876», [8, с. 110]). «*От **кровоавой** бури свет в очах померк*» («Ополченцы на Шипке», [8, с. 113]). «*Но стоят герои сквозь **кровоавой** мглы*» («Ополченцы на Шипке», [8, с. 113]); причастие-прилагательное **окровавлен-ный** (2 колоронима): «*Он взглянул на бледный лоб **окровавленный**...*» («Бенковский», [8, с. 84]). «*Лев непобежденный, лев **окровавленный***» («Караджа», [8, с. 108]); частотно существительное **кровь** (13 употреблений): «*Кровь еще дымится, а песок – что пламя*» («Бенковский»,

[8, с. 83]). «*И кровь проливалась, и лица бледнели*» («Кочо» (Защита Перуштицы), [8, с. 86]). «*Кровь хлынула в голову бешеным псам...*» («Кочо» (Защита Перуштицы), [8, с. 86]). «*Главарь их, над грудой растерзанных тел, / Обрызганных кровью, безмолвно глядел, / Бледнел он, испуга в груди не тая...*» («Кочо» (Защита Перуштицы), [8, с. 86]). «*Ты, кровью омыта, окутана дымом...*» («Кочо» (Защита Перуштицы), [8, с. 88]). «*Кровь мальчика с матери кровью смешалась...*» («Кочо» (Защита Перуштицы), [8, с. 88]). «*Их вытеснил ужас, царящий в крови*» («Братья Жековы», с. 90). «*Трепещут сердца их, кровь хлынула в очи...*» («Братья Жековы», [8, с. 91]). «*А кровь заливает разбуженный двор*» («Братья Жековы», [8, с. 91]). «*Нет – рекою хлынет кровь народа, / Кровь болгар отважных*» («Караджа», [8, с. 109]). «*Увидала рано бледная заря – / Вся в крови дымится Средняя гора*» («1876», [8, с. 110]). **Красный** – «агрессивный цвет, символизирующий кровь, гнев, огонь, чувства, раны, войну, кровопролитие, опасность, угрозу, революцию, силу, анархию, смерть» [7, с. 427]. Семантика красного цвета «негативная» [2, т. 2].

Не входят в спектр, являются **смешанными** колоронимами: 1. **Седой** (3 колоронима) представлен прилагательными: «*Или находили седых стариков*» («Братья Маладиновы», [8, с. 102]). «*Седая природа вещей и явлений*» («Раковский», [8, с. 104]). «*...Выситя седая мишстая гора*» («Ополченцы на Шипке», [8, с. 112]). «*Детишек и старцев сереброголовых...*» («Кочо» (Защита Перуштицы), [8, с. 85]). 2. **Лазурный** (3 колоронима) представлен одним прилагательным «*И обе души из огня вознеслись, / Позора избегнув, в лазурную высь*» («Братья Жековы», [8, с. 91]); двумя существительными «*Под наметом лазури...*» («Каблешков», [8, с. 93]). «*С небесной лазури нам ясно сиял...*» («Каблешков», [8, с. 95]). 3. Один раз встретился колороним

пестрый: «*В голове героя пестрых мыслей рой*» («Бенковский», [8, с. 83]).

К словам с цветовым значением относятся прилагательные: **грязный** (2 прилагательных) «*Сражались мы с башибузуками, братья, / С их грязной, кровавой и дикою ратью...*» («Кочо (Защита Перуштицы)», [8, с. 86]). «*Грязным и свирепым сбродом окружен...*» («Караджа», [8, с. 108]).

Цветовые ассоциации вызывают лексемы: **дым** (5 существительных): «*И битва затихла... Развеялся дым...*» («Кочо» (Защита Перуштицы), [8, с. 86]). «*Ты, кровью омыта, окутана дымом...*» («Кочо» (Защита Перуштицы), [8, с. 88]). «*А бог со стены на клубящийся дым...*» («Кочо» (Защита Перуштицы), [8, с. 89]). «*Погубит нас этот удушливый дым!*» («Братья Жековы», [8, с. 91]). «*И дым ядовитый на стену ползет*» («Братья Жековы», [8, с. 91]); **пламя** (2 существительных): «*Снаряды неслись, изрыгавшие пламя...*» («Кочо» (Защита Перуштицы), [8, с. 87]). «*А младший, завидя бушующий пламень...*» («Братья Жековы», [8, с. 91]); **мрак** (2 существительных): «*А все остальное во мраке истлело...*» («Каблешков», [8, с. 95]). «*Что нам указал ты среди мрака и туч*» («Раковский», [8, с. 105]); в предложениях встречается несколько лексем, создающих цветовую картину: «*Ты молнии блеском сверкнула в просторе...*» («Кочо» (Защита Перуштицы), [8, с. 87]). «*Без сил, без поддержки, среди огненных стен...*» («Кочо» (Защита Перуштицы), [8, с. 88]). «*Ясных планов проблеск, свет и мрак порой*» («Бенковский», [8, с. 83]). «*Немеркнувшей искрой зажег свой народ*» («Паисий», [8, с. 99]). «*Метеором ярким вспыхнула во тьме*» («Караджа», [8, с. 106]).

В цикле «Эпопея забытых» Ивана Вазова колоронимы характеризуют: 1. Человека (одежда, внешний вид и т.д.): **черная ряса, темный поселянин, бледный лоб, белесые кости, алая кровь, лоб окровавленный, седой старик, старец сереброголовый.** 2. Различные предметы: **черное ружье,**

черный столб, кровавый клинок. 3. Природу: **черная молния, бледная заря, кровавый рассвет, кровавая буря, кровавая мгла, седая природа, седая гора.** 4. Животных: **черный конь, окровавленный лев.** 5. Локации: **темный подвал, темная чащоба, темная пещера, алая дорога, кровавое торжище.** Часто использование колоронимов в переносных значениях: **черный обман, черный сброд, черный рой, темное грядущее, темная древность, темный страх, светла дорога, светлая надежда, светлые чувства, синий кров, кровавая рать, кровавая весть, кровавый год, лазурная высь, пестрые мысли, грязная рать, грязный сброд.**

Таким образом, цветовая картину мира цикла «Эпопея забытых» Ивана Вазова можно назвать хроматично-ахроматичной (29 к 10). Ахроматический цвет (черный) создает черную, хроматические цвета (желтый, синий, голубой) – цветную картинку. Цикл «Эпопея забытых» довольно мрачен, так как единственным ахроматическим колоронимом выступает черный цвет. Из хроматических колоронимов преобладает красный цвет и синонимичные ему (алый, кровавый). Данные цвета используются для выражения отрицательных эмоций. Кроме собственно колоронимов цветовые ассоциации создаются посредством лексем *кровь, дым, пламя, мрак, тьма, искра*, которые выполняют как номинативную, так иллюстративную и символическую функции. Колоронимы отличаются полифункциональностью, так как описывают человека, различные предметы, природу, животных, локации, часто используются в метафорических значениях. Выбор колоронимов в цикле Ивана Вазова «Эпопея забытых» обусловлен темой, идеей цикла.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев В. Д. Болгарская литература // История всемирной литературы: в 9 т. / редкол.: Ю. Б. Вишпер (отв. ред.), Л. Г. Андреев, Г. П. Бердников [и др.]. М., 1994., Т. 8. С. 464–470.

2. Белова О. В. Красный цвет // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 2. Д–К (Крошки). URL: <https://biblio.imli.ru/index.php/folklor/190-slavyanskije-drevnosti-etnolingvisticheskij-slovar-t2>. (дата обращения: 21.09.2024).
3. Борzych О. В. Междисциплинарные аспекты изучения цвета в поэтическом тексте // Вестн. ВГУ. Сер. Филол. Журн. 2012. № 2. С. 28–31. URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/phylogolog/2012/02/2012-02-06.pdf>. (дата обращения: 21.09.2024).
4. Злыднев В. Иван Вазов и национально-освободительная борьба болгарского народа // Вазов Иван. Избранное: в 2 т. / Иван Вазов; пер. С болг., предисл. В. Злыднева. М., 1977. Т. 1: Стихи. Проза. С. 5–20.
5. Знаки прошлого и настоящего: краткий словарь / Н. Н. Романова, А. В. Филиппов, В. М. Панькин. М.: Флинта: Наука. 2007. 280 с.
6. Козлова Н. Н. Цветовая картина мира в языке // Ученые записки Забайкальск. гос. у-та. Сер. Филология, история, востоковедение. С. 82–88. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsvetovaya-kartina-mira-v-yazyke>. (дата обращения: 21.09.2024).
7. Фоли Д. Энциклопедия знаков и символов. М.: Вече, АСТ, 1997. 432 с.

ИСТОЧНИКИ

8. Вазов Иван. Избранное: в 2 т. / Иван Вазов; пер. с болг., предисл. В. Злыднева. М.: Худож. лит., 1977. Т.: Стихи. Проза. 366 с.

REFERENCES

1. Andreev V. D. Bolgarskaya literatura // Istoriya vseimiroj literatury: v 9 t. / redkol.: Yu. B. Vipper (otv. red.), L. G. Andreev, G. P. Berdnikov [i dr.]. M., 1994., T. 8. S. 464–470.
2. Belova O. V. Krasnyj cvet // Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheskij slovar: v 5 t. / pod red. N. I. Tolstogo. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1995. T. 2. D–K (Kroshki). URL: <https://biblio.imli.ru/index.php/folklor/190-slavyanskije-drevnosti-etnolingvisticheskij-slovar-t2>. (data obrashcheniya: 21.09.2024).
3. Borzyh O. V. Mezhdisciplinarnye aspekty izucheniya cveta v poeticheskom tekste // Vestn. VGU. Ser. Filol. Zhurn. 2012. № 2. S. 28–31. URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/phylogolog/2012/02/2012-02-06.pdf>. (data obrashcheniya: 21.09.2024).
4. Zlydnev V. Ivan Vazov i nacionalno-osvoboditelnaya borba bolgarskogo naroda // Vazov Ivan. Izbrannoe: v 2 t. / Ivan Vazov; per. s bolg., predisl.

V. Zlydneva. M., 1977. T. 1: Stihi. Proza. S. 5–20.

5. Znaki proshlogo i nastoyashchego: kratkij slovar / N. N. Romanova, A. V. Filippov, V. M. Pankin. M.: Flinta: Nauka. 2007. 280 s.

6. Kozlova N. N. Cvetovaya kartina mira v yazyke // Uchenye zapiski Zabajkalsk. gos. u-ta. Ser. Filologiya, istoriya, vostokovedenie. S. 82–88. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsvetovaya-kartina-mira-v-yazyke>. (data obra-shcheniya: 21.09.2024).

7. Foli D. Enciklopediya znakov i simvolov. M.: Veche, AST, 1997. 432 s.

SOURCES

8. Vazov Ivan. Izbrannoe: v 2 t. / Ivan Vazov; per. s bolg., predisl. V. Zlydneva. M.: Hudozh. lit., 1977. T. 1: Stihi. Proza. 366 s.

Екатерина Зуева

кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии
Барановичский государственный университет
г. Барановичи, Беларусь
katarzyna.zujewa@mail.ru

ВИРТУАЛНИЯТ ДИСКУРС – ПРОЕКЦИЯ НА РЕАЛНАТА КОМУНИКАЦИЯ

Дияна Николова

Анотация: Виртуалният дискурс е нов етап от съвременната комуникация. В настоящата публикация се разглежда спецификата на комуникацията в контекста на промяната на комуникационното пространство. Откроява се спецификата на виртуалната комуникация на фона на реалната, осветляват се различни аспекти на виртуалния дискурс. Разкриват се някои положителни и отрицателни страни, а също и корелацията между виртуалната и реалната комуникация.

Ключови думи: виртуален дискурс; виртуална комуникация; реална комуникация; комуникационно пространство; социални мрежи.

DOI: <https://doi.org/10.46687/XVPM2745>

VIRTUAL DISCOURSE – A PROJECTION OF REAL COMMUNICATION

Diyana Nikolova

Abstract: Virtual discourse is a new stage of modern communication. This publication examines the specifics of communication in the context of the changing communication space. The specifics of virtual communication stand out against the background of the real one, different aspects of virtual discourse are highlighted. Some positives and negatives are revealed, as well as the correlation between virtual and real communication.

Keywords: virtual discourse; virtual communication; real communication; communication space; social networks.

Крайт на ХХ и началото на ХХІ век бележат началото на ера на мащабни политически, икономически и културни промени както в обществото на държавите от социалистическия блок, така и в комуникационното

пространство. Промените се дължат, от една страна, на настъпването на демокрацията, която оставя своя отпечатък и върху езика (настъпването на демократизацията и интелектуализацията на речта), а от друга страна, на динамичното навлизане и внедряване на информационните и комуникационните технологии (ИКТ). Бързото развитие на ИКТ засяга всички сфери на човешкия живот, където обменът на информация в процеса на комуникация позволява себеизразяването на човека като индивид, осъзнаването на собствената стойност, оценяването на собствената социална значимост и създаването на виртуалния дискурс.

Съвременното общество живее в ерата на високите цифрови технологии, интернет, изкуствения интелект, които допринасят за напълно ново ниво на развитие и комуникационни отношения във всички сфери на човешката дейност. Тези взаимоотношения са насочени към обмен на информационни ресурси и осъществяват социален преход от реалния към виртуалния свят. Именно интернет е причината за възникването на виртуалния дискурс, а компютрите и интернет стават средства, канал, чрез който се опосредства комуникацията.

Целта на настоящата публикация е да се разгледат основните характеристики на виртуалния дискурс като съвременен комуникативен инструмент. Това ще послужи за по-нататъшно детайлно описание на лингвистичните, лингвокултурологичните и функционалните особености на езиковите единици в български и руски.

Американската и западната научна литература се фокусират върху компютърно опосредстваната комуникация още през 60-те години на миналия век, докато в руската научна литература наблюденията върху езиковите промени датират от края на 90-те с идеите за разширяване на понятието за *текст* на В. И. Карасик, с дисертацията на Е. Н. Галичкина през 2001 г., а в българската също през

2001 г. с книгата „Увод в компютърно опосредстваната комуникация“ на Г. Дерменджиева, а по-късно с монографиите на И. Мавродиева, Л. Кирова, Б. Тодорова, М. Попова с наблюдения върху езиковите особености на българския език, виртуалната реторика и виртуалния човек, а също и с частичните изследвания на Д. Благоева, Е. Пернишка, Л. Стоичкова и др., някои от които са в съпоставителен аспект с други езици. Невъзможно е да се обхванат всички публикации в тази област, тъй като са многобройни и следват динамиката на развитие и промените на ИКТ.

Някои изследователи наричат това сравнително ново направление в езикознанието интернет лингвистика, което се характеризира с интердисциплинарност, тъй като се изследва в различни аспекти (социолингвистичен, психолингвистичен, текстолингвистичен, лингвокултурологичен, когнитивен, лингвоперсонологичен, от гледна точка на речезнанието и др.). Характерно за тази сравнително нова област е паралелното формиране на съответния терминологичен апарат, който също следва динамиката и промените в тази сфера. В началото на периода на първите проучвания логично се говори за *компютърен дискурс*, *компютърна комуникация*, по-късно за *език на интернет*, *интернет дискурс*, *интернет общуване*, *интернет комуникация*, *компютърно опосредствана комуникация*, *електронна / цифрова / дигитална / виртуална комуникация*, към момента – *виртуален дискурс*, *компютърно медиен дискурс* и др. Независимо кой от термините се използва, става ясно какво се визира, какъв е обектът на изследване и анализ. Във връзка с терминологичната вариативност е редно да мотивираме уместността на използване именно на термина *виртуален дискурс*.

В настоящата работа се придържахме към широкото понятие за *дискурс* и дефиницията на Е. Добрева и И. Савова,

базирана на разбирането на М. Фуко, а именно: „Специфичен начин на говорене (писане) на нещата, формирал се в рамките на дадена институционална сфера – училище, семейство, църква, армия, медии и пр., и свързан с характерни за тази сфера теми и обекти, традиции и правила за включване в комуникацията, набори от комуникативни роли, предпочитани изразни средства, жанрови форми и пр.” [3, с. 40].

Подобен избор е мотивиран от факта, че дефиницията е широко разпространена във философията и социологията, а това дава възможност за една всеобхватна и по-широка основа при определянето на виртуалния дискурс. Такава теоретична база относно понятието *дискурс* предполага включването не само на отделни аспекти от употребата на езика, но и обвързването му с реализацията, с взаимодействието с други сфери, с пресичането на различни области на познанието и проявата на техните особености чрез дискурсивните практики и правила.

Необходимо е да се изясни и разбирането за *виртуалност*, тъй като понятието също има дуален характер. Според Д. Иванов „Първото е свързано с естествознанието, където виртуалността се разглежда като противопоставяне между ефимерността на безкрайно малки като промени и периоди на съществуване частици и стабилната в своите пространствено-времеви характеристики реалност. Второто твърдение се отнася до практиките за създаване и използване на компютърната симулация и произлиза от илюзорността на обектите, изградени чрез средствата на компютърната графика. Поведението на изобразяемия обект се възпроизвежда от пространствено-времевите характеристики на поведение на реалния обект.“ [цит. по 5, с. 16–17].

Интересни са и някои виждания на С. Жижек относно връзката между въображаемо и символично, според когото символичното възниква от въображаемото отражение, от

заместването на реалния образ с виртуалния. Символичната идентификация на личността е припозната като идентификация с виртуално лице, като пожелана цел. Виртуалността е породена от липсата на реален и символичен еквивалент.” [цит. по 5, с. 17]. Присъединяваме се към твърдението на М. Попова, че идеите на С. Жижек стават предпоставка за изграждането на връзката реално–виртуално–реално (като отразено виртуално), в което се акцентира върху приемането на виртуалността като успоредна, алтернативна на реалността [пак там].

Въз основа на тези определения предлагаме следната дефиниция за *виртуален дискурс*: Специфичен начин на говорене (писане), формирал се в рамките на ИКТ сферата посредством компютърната графика, свързан с характерни за тази сфера теми и обекти, традиции и правила за включване в комуникацията, набори от комуникативни роли, предпочитани изразни средства, жанрови форми и пр., който е проекция, алтернатива или паралел на реалността.

Дискурсът, като форма на социално поведение, неизменно играе ролята на инструмент при формирането на социалния и научния свят и има водеща роля при създаването на обществените отношения и нагласи. Това става възможно поради спецификата му и настъпилите промени в обществото и възгледите на хората. От тази гледна точка виртуалният дискурс е най-разпространеният тип дискурс в съвременното информационно общество, с който почти всеки от нас е свързан до някаква степен. Поради тази причина виртуалният дискурс е от особено значение и представлява научен интерес като обект на изследване. Дискурсът по безспорен начин се свързва с комуникацията, която е специфична форма на взаимодействие между хората. Тя е процес на взаимен обмен на информация, предаване и приемане на знания, идеи, мнения, чувства и се осъществява в речевата дейност на човека с помощта на вербални и

невербални средства [2, с. 23; 1, с. 68]. Неделима част от взаимодействието на субектите е спазването на основните езикови и речевни норми, като точност, уместност, грамотност, адекватност на употреба на езикови средства, съгласно ситуацията, определени задачи, обстоятелства, цели на комуникацията и не на последно място – постигането на взаимно разбиране. За осъществяването на успешна комуникация и постигане на крайната цел комуникантите трябва да притежават комуникативна и културна компетентност.

В реалната комуникация тази компетентност се проявява в различни сфери на лично общуване. Това предполага личен контакт, без посредничеството на ИКТ. Реалната комуникация е класическа форма на междуличностен контакт, при който важна роля играе и невербалното общуване като мимики, жестове, език на тялото и др. и се реализира в ситуации в семейството, училището, университета, работата и други обществени места. Реалният контакт подпомага социализацията и формира комуникативни навици. Често реалната и виртуалната комуникация се разглеждат в опозиция. При първоначалните изследвания на виртуалния дискурс много от изследователите се изкушават да гледат на него „като на среда, която служи за забавление, като на нещо „виртуално“, противопоставено на реалността тук и сега, тъй като едни от първите популярни форми са виртуалните игри, т.нар. виртуални светове, чатове и т.н., за които е характерна анонимността, типично е изграждането на виртуален образ, различен от реалния“ [6, с. 9]. Според Б. Тодорова както в реалното, така и във виртуалното общуване хората трудно прикриват същността си – страховете и убежденията си, така че техните съмнения, подозрения, комплекси, знания и незнания прозират зад думите [пак там]. Именно това е и повод за по-подробни и целенасочени лингвистични

изследвания, които да характеризират виртуалния език на общуване не само на отделни виртуални общности; това може да стане характеристика и на конкретна виртуална личност, зад която стои реален човек.

Глобализацията на света се осъществява до голяма степен чрез глобализацията на комуникационните пространства, което разширява възможностите за реализация на човешката дейност. ИКТ и интернет вече не са само технологии, инструменти или място за съхранение и трансфер на информация, а са неразделна част от ежедневието на по-голямата част от населението на земята и причина за пренасянето на реалната комуникация във виртуалното пространство, за възникване на виртуалната комуникация.

На съвременния етап виртуалната комуникация не е нещо ново, но представлява и продължава да предизвиква научния интерес, от една страна, защото не е достатъчно проучена, а от друга, се използва най-активно и се променя с ритъма на ИКТ и под влиянието на други фактори (особено в последните COVID-ни и постCOVID-ни години). Голяма част от хората, особено поколението Z, не могат да си представят живота без съвременните ИКТ и, разбира се, без социалните мрежи. Свидетелство за тази зависимост е констатираното като болест на XXI век психологическо състояние, наречено *номофобия*, което се изразява като страх у хората да прекъснат връзката със своя смартфон, таблет или лаптоп. Ето защо темата за организирането на човешките взаимоотношения чрез глобалната мрежа е толкова актуална в съвременните реалности.

Виртуалният дискурс се характеризира със своята полидискурсност, сложна структура, формирана от различни видове дискурси, субдискурси, базирани в комуникативното виртуално пространство, и притежава високо ниво на интертекстуалност, което се основава на цитирани текстове

и тяхното разбиране. Тази особеност е един от системните принципи на виртуалния дискурс. Интертекстуалните връзки, представени като цитати, могат да изпълняват много различни функции.

Социалните мрежи, месинджърите, онлайн игрите, чатовете, форумите, електронната поща, електронните платформи за обучение и др. са средства за синхронна и асинхронна виртуална комуникация. За използването им обикновено се изисква създаването на виртуален профил, чрез който се осъществява комуникацията (обмен на съобщения, коментари, знания, информация от различен характер, дискусии и др.). Виртуалната комуникация придобива все по-голямо значение, особено за младото поколение, което използва основно социалните мрежи за общуване. Тази комуникация дава възможност да се осъществяват и поддържат социални контакти от дистанция, а участниците във виртуалния дискурс са хора от всички възрастови категории на обществото без строги социални ограничения, т.е. независимо от тяхната социална принадлежност, статус, образование, мироглед или възраст. Единственото условие за осъществяване на тази комуникация е да може да се използва компютър или други ИКТ с достъп до интернет. От една страна, това е най-демократичният и отворен тип дискурс, но от друга страна, виртуалният дискурс създава някои бариери и пречки за потребителите. Такива трудности може да са: наличие на необходимото ниво на боравене с техническото осигуряване, развиване на способността за придвижване в киберпространството, владеење на компютърен жаргон [7], умение да се пише кратко и грамотно, ефективно използване на емотикони, мемета и др. визуални средства, адекватна реакция на онлайн коментари или публикации и не на последно място владеење на поне един чужд език.

Едно от основните преимущества на виртуалния дискурс е възможността за осъществяване на контакт от разстояние, независимо в коя точка на света се намира човек. Естествено, има и някои недостатъци. Докато реалната комуникация се осъществява „очи в очи“, то това не е задължително изискване при виртуалната. Виртуалното пространство предоставя възможност за себеизразяване, самоутвърждаване, създаване на виртуална личност и участие в различни онлайн общности. Зад всяка виртуална личност стои реална личност, въпреки че не е задължително профилът да съдържа истинска информация, а това да е една маска, аватар за виртуалното пространство, където анонимността е избирателна. Анонимността в мрежата може да ни сблъска с некачествена комуникация, неразпознаване на невербалните сигнали, което да доведе до неразбиране, а също и до проява на агресия (мобинг и булинг). От друга страна, анонимността и виртуалното пространство дават възможност за по-ефективна комуникация от реалната на хора, които имат някакви физически недостатъци, хора с дефекти в говора, слуха или зрението, със специални образователни потребности, хора, които не владеят добре езика, на който се комуникира при други обстоятелства и т.н.

Характеристиката на комуникационното пространство изисква разбиране на особеностите на виртуалната комуникация. Разбирането на феномена виртуална комуникация в комуникационното пространство на интернет фокусира вниманието на много учени и изследователи към проблемите на виртуалното общуване, свързани с навлизането на човечеството в информационната ера, където с всяка година ефективността на обмена на информация се увеличава именно чрез виртуалната комуникация поради подобряване на ИКТ. Интерес за изследване представлява фактът, че ИКТ са дълбоко интегрирани във всички сфери на живота, където младото поколение е най-активно и използва

мрежата за комуникация, образование, творчество, за запълване на свободното време и забавление.

Въз основа на мнението на Л. Кирова и нашите лични наблюдения на социалната мрежа на Мета Facebook, споделяме твърдението, че социалните мрежи изведоха основните свойства на интернет – мултимедийност, хипертекстуалност, синхронност, интерактивност и мрежова структура – на нов етап, като мрежите създадоха интегрирана среда, която позволява комуникация от различен тип да се осъществява от едно и също виртуално място [4]. Това интегриране се осъществи с много динамични темпове по време на COVID-пандемията, когато се създадоха отворени публични групи на различни общности (всяка една от тези общности представлява сбор от различни културни ценности, които по някакъв начин се различават от тези в реалния свят), групови чатове с видео връзка, възможности за съчетаване на няколко семиотични кода за предаване на информация, компилиране на аудио и визуални канали като възможност за обмен на писмени текстове, изображения, видео реч (пряко излъчване, стрийминг, сторита в социалните мрежи и др.). Подобна интеграция, рубрикиране на информационния и комуникационния поток се получи и в масово използваните чатове Skype, Viber, Messenger, WhatsApp, Телеграм, съвременните платформи за обучение Moodle, Zoom Microsoft Teams и др., което промени статута им само на чатове. Това увеличи възможностите за комуникация от различен тип (публична / частна, синхронна / асинхронна, информативна, солидарна, оперативна, за развлечение), за общуване и членуване в различни виртуални общности, за комплексно изразяване (чрез текст, визуални, аудио и видео материали) [4]. Съвременните ИКТ и глобалната мрежа позволяват обмен на информация, факти, мисли, идеи, съобщения и т.н. чрез устна реч, писмена реч, символи, сигнали и разделят границите на виртуалното

общуване сред хората, като трансформират комуникационното пространство в различни онлайн общности. Тези социални обекти се стремят да развиват комуникацията без намеса, чрез свободен достъп до различни видове ресурси, което от своя страна поражда лингвокреативността и създаването на новообразувания и нетривиални текстове (мемета, колажи, жаргон, вицове, (анти)пословици, пародии, виртуални приказки, стихотворения и др.), които можем да назовем виртуален фолклор. Онлайн общностите са продуктивен начин за ефективно прилагане на знания, обмяна на такива и опит за комуникация с други участници чрез виртуални взаимодействия.

Както вече беше споменато, отличителна черта на виртуалния дискурс е интерактивността. Всеки потребител може да напише коментар, да постне цитат, мемета, видео или аудио, собствена информация, да прикачи файл, да постне линк към събитие, информация, да вмъкне в текста хипервръзка и т.н.; тук можем да причислим и чатботите, с които напоследък ни се налага да комуникираме и да водим реален диалог. Тази интерактивност обогатява и прави поинформативна виртуалната комуникация.

Както при реалната комуникация, така и във виртуалната имаме жанрово разнообразие. Част от жанровете на реалната комуникация се трансплантират и функционират във виртуалното пространство. Жанровете, наблюдавани във виртуалния дискурс, могат да бъдат дефинирани в зависимост от формата на комуникация. Основната характеристика е, че жанровете имат двойствена форма, напр.: устни (конференции и форуми) и писмени (новинарски сайтове); диалогични (конференции, чатове, форуми и чатботове) и монологични (статии, новини и др.); публични (насочени към масова аудитория (новинарски сайтове, форуми, конференции)) и частни (електронна поща и чатове). Съществуват и така наречените жанрове

„двойници“, които първоначално са създадени с цел пародиране или забавление. Те носят идентични функционални и формални белези с реалните, но запълват определена ниша във виртуалното комуникативно пространство, като с времето изработват собствени жанрови характеристики и продължават да функционират и да се развиват самостоятелно. Възможностите на ИКТ предоставят условия за създаването на нови жанрове, които освен текстови са и визуални. Интегративният характер на социалните мрежи допринася за смесването на жанровете, за размиване на стилистичните граници и довеждане до „хибридизиране на езика“ [Кирова 2022]. Стилистичното и жанровото разнообразие се характеризира с употребата на характерни лексикални единици в определени ситуации и се диференцира чрез тях. Хибридацията на езика във виртуалния дискурс дава своето отражение и върху реалната комуникация, като навлизат в реалната реч специфични за виртуалния дискурс езикови единици, с което допринася за размиване на границите (в стилистично и жанрово отношение) и в реалната комуникация, особено на т.нар. информационно поколение. Една от характеристиките на виртуалния дискурс е вмъкване в текста (българския или руския) на английски лексеми (разбираемо поради наситеността с информация на английски език), калки или хибридни образувания, което се трансформира и в реалната комуникация и допринася за разнообразието на езика.

Друга лингвистична особеност на виртуалната комуникация е икономията на езикови средства и създаването на минимализиран текст, който води началото си още от SMS комуникацията, а по-късно от първите чатове, които вече са забравени, а за поколението Z непознати, като ICQ, miRC и др. Често се използват утвърдени, а понякога и заети словообразователни модели с цел съкращаване на речта (абривиатури (родни и чужди), композити, универбати,

емотикони и други графични средства). Естествено, честотата на употреба се отразява в живата реч и създава по този начин нови варианти, което демонстрира реакцията на езика и промените, които той претърпява под въздействие на виртуалния дискурс. В ICQ и Skype за първи път започва употребата на графичното изразяване на емоции с използването на препинателни знаци, които по-късно се развиха до емотикони. Освен чрез емотиконите с възможностите на словообразуването също се постига изразяване на емоции (положителни или отрицателни), обикновено чрез специфичния за виртуалната сфера жаргон.

Ако възприемем компютърната метафора като пресъздаване на реалността в пространството на ИКТ, то можем да смятаме, че виртуалният дискурс е продължение на тази тенденция, като проекция на реалната комуникация във виртуалното пространство със съответните прилики и разлики. Механизмът на обмен на информация претърпява трансформация и част от реалната визуална комуникация се проектира във виртуалната. Това, от своя страна, води до промяна в някои правила (по аналогия на етикета в реалната комуникация, в киберпространството се създава т.нар. нетикет, чието спазване е водещо във виртуалната комуникация), на които се подчиняват потребителите във виртуалното пространство. Причините за тези промени са: промяната на сетивния канал към визуален; виртуалната комуникация се осъществява предимно в невербална форма; предоставя се възможност за изпълняване на нови социални роли.

От гледна точка на формата на взаимодействие между комуникантите, комуникацията може да се осъществява в различни форми. Според Ю. М. Джафаров, виртуалната комуникация е базирана на виртуалния дискурс, чийто текст е зареден с виртуална реалност в комуникационна ситуация и действа като специален модел на реалността. Виртуалният

дискурс възниква на базата на информационните технологии и се реализира въз основа на взаимодействието на комуникационни образи [8, с. 20]. Според социолингвистичните изследвания, всички текстове, използвани по време на интернет комуникация, се разглеждат като виртуален дискурс / компютърен дискурс. Във виртуалния дискурс, както и в реалната комуникация, има две взаимодействащи страни, които комуникират помежду си. При някои видове виртуален дискурс има известно равенство на участниците (чатове, месинджъри, конференции, електронна поща), а в други случаи равенството се нарушава.

Липсата на цензура определя виртуалния дискурс като привлекателен източник на информация. Зависи от потребителя да прочете или не различни мнения и съображения, които са свободно изразени заедно с официалните източници за същото събитие, и да тълкува информация от тази гледна точка. От друга страна, липсата на цензура прави получената информация по-малко надеждна (точна, прецизна, истинска), а анонимността довежда до усложняване на отношенията в киберпространството (управлението им е почти невъзможно и се създават благоприятни условия за контрол и манипулиране на мисленето и съзнанието на потребителите).

Без претенции за изчерпателност, на база изложеното до момента можем да заключим, че реалната комуникация се проектира във виртуалното пространство, където получава нов живот и собствено развитие. Бяха открити приликите и разликите между двата дискурса, като основната разлика е опосредстваността и технологичната осигуреност на виртуалната комуникация. Други основни характеристики на виртуалния дискурс са: хибридният характер (съчетание от двата вида комуникация), информативността, интерактивността, поликодовостта, мултикултурността, полисемиотичността, презентативността, лингвокреативността и

др. Виртуалният дискурс създава условия за хората просто да общуват или да творят и да създадат своя, паралелна действителност, т.е. паралелен виртуален свят. Виртуалната комуникация изпитва известни затруднения в изразяване на емоционалността, но това се компенсира с графичните възможности на ИКТ. Отсъствието на физическо тяло в киберпространството премахва много бариери и дава възможност за по-пълноценна комуникация. Виртуалният дискурс преодолява темпоралните граници и предоставя на своите потребители алтернативен начин да получават информация в удобно за тях място и време, т.е. дава комфорт при комуникацията и възможност за избор как да протича тя (синхронно или асинхронно). Чрез участието във виртуални общности потребителите, активно или пасивно, заявяват свои позиции, виждания, убеждения.

И за двата вида комуникация (реална и виртуална) може да се твърди, че оказват влияние върху хората, особено на младото поколение. Както реалната, така и виртуалната комуникация са значими и въздействат върху развитието на личността и способностите на хората да взаимодействат в съвременното информационно общество. Разбирането и развитието на тези два вида комуникация правят общуването по-ефективно, дават възможност за създаване на социални връзки, които успешно работят в съвременния свят за постигане на лични и професионални цели.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Айвазян, О. О., Кукушкин, А. А., Барнадзе, Р. Г. Коммуникативная культура молодежи в современном поликультурном пространстве: толкование, проблемы функционирования и результаты опроса // *GESJ: Education Science and Psychology*, 2022, № 4(64). С. 67–72.
2. Айвазян, О. О., Кукушкина, А. А., Барнадзе, Р. Г. Проблемы развития коммуникативной компетентности как детерминанты становления коммуникативной культуры молодежи в условиях

социальной реальности // GESJ: Education Science and Psychology, 2021, № 2(59). С. 23–27.

3. Добрева, Е., Савова, И. Текст и дискурс. Терминологичен справочник. Велико Търново: Фабер, 2009. 275 с.

4. Кирова, Л. Виртуалните общности и компютърно опосредстваната комуникация днес. Социалните мрежи // Реторика и комуникации, юли, 2013, бр. 9. URL: <https://rhetoric.bg/%d1%81%d0%bf-%d1%80%d0%b5%d1%82%d0%be%d1%80%d0%b8%d0%ba%d0%b0-%d0%b8-%d0%ba%d0%be%d0%bc%d1%83%d0%bd%d0%b8%d0%ba%d0%b0%d1%86%d0%b8%d0%b8-%d1%8e%d0%bb%d0%b8-2013-%d0%b3%d0%be%d0%b4%d0%b8%d0%bd%d0%b0> (дата на достъп: 27.05.2024).

5. Попова, М. Виртуалният човек. Велико Търново: Фабер, 2012, второ издание. 230 с. ISBN: 978-954-400-656-3.

6. Тодорова, Б. Лингвистични аспекти на компютърно опосредстваната комуникация (по материали от форумите на bg-amma). Благоевград: Университетско издателство „Неофит Рилски“, 2015. 189 с. ISBN 978-954-00-0022-0.

7. Шейгал, Е. И. Компютерный жаргон как лингвокультурный феномен // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград, 1996. С. 205–218.

8. Jafarov, Y. M. Virtual personality and the role of language in its evolution // Problems of information society, Azerbaijan, 2017, 2, p. 18–22. DOI: 10.25045/jpis.v08.i2.02.

REFERENCES

1. Ayzazyan, O. O., Kukushkin, A. A., Barnadze, R. G. Kommunikativnaya kultura molodezhi v sovremennom polikulturnom prostranstve: tolkovanie, problemy funktsionirovaniya i rezultaty oprosa // GESJ: Education Science and Psychology, 2022, № 4(64). С. 67–72.

2. Ayzazyan, O. O., Kukushkina, A. A., Barnadze, R. G. Problemy razvitiya kommunikativnoy kompetentnosti kak determinantyi stanovleniya kommunikativnoy kulturyi molodezhi v usloviyah sotsialnoy realnosti // GESJ: Education Science and Psychology, 2021, № 2(59). С. 23–27.

3. Dobрева, Е., Савова, И. Текст и дискурс. Терминологичен справочник. Велико Търново: Фабер, 2009. 275 с.

4. Кирова, Л. Виртуалните общности и компютърно опосредстваната комуникация днес. Социалните мрежи // Реторика и комуникации, юли, 2013, бр. 9. URL: [https://rhetoric.bg/%d1%81%d0%bf-](https://rhetoric.bg/%d1%81%d0%bf-%d1%80%d0%b5%d1%82%d0%be%d1%80%d0%b8%d0%ba%d0%b0-%d0%b8-%d0%ba%d0%be%d0%bc%d1%83%d0%bd%d0%b8%d0%ba%d0%b0%d1%86%d0%b8%d0%b8-%d1%8e%d0%bb%d0%b8-2013-%d0%b3%d0%be%d0%b4%d0%b8%d0%bd%d0%b0)

[%d1%80%d0%b5%d1%82%d0%be%d1%80%d0%b8%d0%ba%d0%b0-%d0%b8-%d0%ba%d0%be%d0%bc%d1%83%d0%bd%d0%b8%d0%ba%d0%b0%d1%86%d0%b8%d0%b8-%d1%8e%d0%bb%d0%b8-2013-%d0%b3%d0%be%d0%b4%d0%b8%d0%bd%d0%b0](#) (27.05.2024).

5. Popova, M. Virtualniyat chovek. Veliko Tarnovo: Faber, 2012, vtoro izdanie. 230 s. ISBN: 978-954-400-656-3.

6. Todorova, B. Lingvistichni aspekti na kompyutarno oposredstvanata komunikatsiya (po materiali ot forumite na bg-mamma). Blagoevgrad: Universitetsko izdatelstvo „Neofit Rilski“, 2015. 189 s. ISBN 978-954-00-0022-0.

7. Sheygal, E. I. Kompyuterniy zhargon kak lingvokulturniy fenomen // Yazyikovaya lichnost: kulturnye kontseptyi. Volgograd, 1996. s. 205–218.

8. Jafarov, Y. M. Virtual personality and the role of language in its evolution // Problems of information society, Azerbaijan, 2017, 2, p. 18–22. DOI: 10.25045/jpis.v08.i2.02.

Дияна Георгиева Николова

гл. асистент, доктор по филология,

Шуменски университет „Епископ Константин Преславски“

гр. Шумен, България

d.nikolova@shu.bg

РИНЦ: SPIN-код: 1446-0951, Author ID: 895700

ORCID ID: 0000-0002-7416-6033

**СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ТЕМАТИЧЕСКИХ
ВЫСКАЗЫВАНИЙ В КАЧЕСТВЕ ФАТИЧЕСКОЙ
ЕДИНИЦЫ ДЛЯ УСТАНОВЛЕНИЯ
ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО РЕЧЕВОГО КОНТАКТА
(на примерах из русских и болгарских
художественных текстов)**

Надежда Стойкова

Аннотация: При установлении первоначального речевого контакта говорящий имеет возможность свободно выбирать различные языковые средства, описанные в речевом этикете. Однако отступление от языковой нормы наблюдается довольно часто. В непринужденном диалогическом взаимодействии инициатор общения может использовать различные тематические высказывания в качестве фатических единиц, которые успешно осуществляют акт установления первоначального речевого контакта. В художественной литературе такие высказывания отличаются довольно большой семантической диверсификацией.

Ключевые слова: фатическая единица; фатическая ситуация; тематическое высказывание

DOI: <https://doi.org/10.46687/JFJD2559>

**SEMANTIC STRUCTURE OF THEMATIC
UTTERANCES AS A PHATIC UNIT FOR
ESTABLISHING INITIAL SPEECH CONTACT
(on examples from Russian and Bulgarian literary texts)**

Nadezhda Stoykova

Abstract: During the initial speech contact the speaker has the opportunity to freely choose various language means described in the speech etiquette. But the deviation from the linguistic norm is observed quite often. In a relaxed dialogue interaction, the initiator of communication can use various thematic statements as phatic units that successfully carry out the act of establishing initial speech contact. In fiction, such statements are characterised by a rather wide semantic diversification.

Key words: phatic unit; phatic situation; thematic expression

Процесс общения является сложным социальным актом взаимодействия, при котором говорящий, в зависимости от ситуации, от его интенции, от его коммуникативной культуры и степени близости между ним и его собеседником, выбирает наиболее подходящее средство для установления речевой интеракции. Регистр повседневного неформального общения показывает, что при установлении речевой интеракции инициатор диалогического взаимодействия использует разнообразные фатические единицы – обращения и приветствия к адресату, различные вопросительные и побудительные конструкции, а также и множество различных по тематике высказываний, инициирующих общение.

Понятие *фатическая единица общения* связано с использованием таких единиц фатической коммуникации, которые выполняют фатическую функцию одновременно в инициальной и реактивной репликах диалогического единства [9, с. 18].

В современном языкознании наблюдается широкий спектр изучения фатических единиц. Углубленные исследования проводились на материале русского, английского, немецкого и французского языков. Отсутствие единого систематизированного подхода к их изучению приводило к появлению разносторонних исследований. Применение разных подходов и методов их описания способствует развитию теоретического осмысления феномена фатики в лингвистике.

В лингвистической литературе пользуются популярностью интересные описания фатических единиц в плане изучения функциональных возможностей лексических и синтаксических средств в определенных фатических ситуациях общения в различных языках. Актуальные

исследования охватывают функционально-семантические и прагмалингвистические характеристики фатических единиц, а также их участие в метакоммуникационных речевых действиях. Хорошо изучена их систематизация в разных дискурсах и в связи с выражением фатических стратегий. Существенный вклад в их изучение вносят сопоставительные исследования, которые дают представление о коммуникативном поведении носителей языков в стандартных фатических ситуациях и о специфике фатического стиля общения.

В связи с типами фатической коммуникации проводился ряд исследований. Комплексный анализ лексических средств выражения контактности в современном немецком языке способствовал изучению возможности потенциального использования стереотипных и эмоционально-окрашенных единиц для выражения контактности в структурно-грамматическом, прагматическом и коммуникативном аспектах [1].

В некоторых синтаксических исследованиях также рассматривается вопрос о фатических единицах. В процессе изучения типов фатических ситуаций подробно описаны синтаксические маркеры, выражения контактоустанавливающих и контактосохраняющих стратегий и тактик в русском языке [2].

В области функционально-семантических исследований фатические единицы рассматриваются с позиции полевого подхода. На основе описания функционально-семантического поля фатических языковых средств в русском языке выявлено структурно-семантическое и коммуникативно-прагматическое описание фатических вводных компонентов [3].

Современные прагмалингвистические исследования посвящены изучению характеристики фатических единиц в рамках диалогической речи [4]. Фатические единицы

описаны с учетом способов вербализации контактоустанавливающей функции. Исследуя метакоммуникационные речевые действия – вступление в разговор, сигналы поддержания контакта, сигналы говорящего и слушающего, рассматривается употребление фатических единиц [5].

Систематизация видов фатических средств выполнена на примерах речи пользователей компьютерной сети. Широко рассматривается вопрос о закономерности употребления фатических высказываний в различных ситуациях и коммуникативных актах чата [7].

Исследования фатических единиц проводились и в связи с языковыми и речевыми средствами выражения фатических стратегий [10].

Фатические единицы недостаточно изучены в сопоставительном аспекте. Описание особенности коммуникативного поведения носителей языков выявляется именно в ходе сравнительного исследования фатических единиц в разных языках. Такие описания в лингвистической литературе проводились при сопоставительном изучении фатических эмотивов в английской и русской коммуникации [8], а также и при изучении употребления лексических средств в начальных репликах диалога в британском, американском и австралийском вариантах английского языка [6].

Актуальность изучения единиц фатической коммуникации обусловлена, с одной стороны, их широким употреблением в условиях повседневного человеческого общения, а с другой – отсутствием их систематического описания в болгарской лингвистике, а также и в сопоставительном плане с русским языком. Тем более, в лингвистике до сих пор не разработан системный подход к анализу средств фатической коммуникации на различных уровнях речевой интеракции. В центре внимания многих ученых (Н. И. Формановская, Г. В. Кобзева, М. И. Бездверная и др.) находилась, например, область

речевого этикета, в которой широко применяются фатические высказывания. Стоит заметить, что существует известное количество работ (О. Г. Почепцов, Т. Д. Чхетиани и другие), посвященных фатическим метакоммуникативным единицам, связанным с организационной стороной процесса речевой коммуникации [9, с. 20].

При установлении речевого контакта первостепенное значение имеет первоначальная встреча говорящего с собеседником, которая начинается процесс формирования дружеских / недружеских отношений. В основе этого процесса безусловно лежат коммуникативные интересы и цели участников диалогического общения. Говорящий, намеренный установить коммуникативный контакт и реализовать диалогическое взаимодействие в условиях стилистики кооперативного общения, часто использует тактику выражения вежливости по отношению к собеседнику. Установление вежливого тона общения предполагает использование обращения к собеседнику, приветствия, стандартных речевых формул, комплиментов, выражения положительных эмоций по поводу встречи с собеседником, приглашения собеседника к диалогу и т.д. Таким образом, говорящий, выбирая тактику общения и определенные языковые средства, вводит собеседника в диалог.

В диалогическом общении выделяются различные этапы или фатические ситуации, в которых реализуется намерение говорящего установить речевой контакт со своим потенциальным собеседником. При исследовании диалогических единиц на начальном этапе кооперативного или некооперативного общения отчетливо выделяются следующие фатические ситуации: *идентификация и привлечение внимания собеседника; приглашение собеседника к участию в диалоге; вступление в непосредственный речевой контакт* [9, с. 59].

Практика установления речевого взаимодействия показывает, что говорящий может использовать определенные тематические высказывания, которые не исключено, что известны собеседнику, или он заранее был вовлечен в ситуацию, являющуюся предметом или темой конкретной причины общения. В художественной литературе такие высказывания отличаются довольно большой семантической диверсификацией. На этапе установления речевой интеракции, в фатической ситуации *Вступление в непосредственный речевой контакт* обнаруживаются различные специфические тематические высказывания, при помощи которых говорящий начинает процесс общения со своим собеседником.

В исследованном русском корпусе они составляют 16 % из общего количества единиц. При анализе таких высказываний в инициальных репликах установлены разного рода частные ситуации их применения в диалогическом взаимодействии между коммуникантами при вступлении в непосредственный речевой контакт:

• **Рекомендация собеседнику:**

К ним вышел врач, молодой, худощавый, в высокой докторской шапочке.

– Николай Дмитриевич, я не советую вам ждать здесь, подготовка к операции и сама операция займут много времени. Уже очень поздно. Поезжайте домой.

– Я останусь, – жестким генеральским голосом ответил Головин. – Это моя дочь и ее муж. Мы будем ждать здесь.

– Воля ваша, – вздохнул хирург.

(Ал. Маринина, Дорога, 2009)

• **Сообщение о совершении определенного действия:**

Она присела рядом с отцом, положила голову ему на плечо.

– Папа, я вызову Тамару.

- *Не смей*, – негромко, но твердо и зло произнес Головин.
- *Надо, чтобы она приехала.*
- *Не смей*, – повторил он.

(Ал. Маринина, Дорога, 2009)

• Подтверждение фактов:

- *Значит, девятнадцать лет. Огонь девчонка.*
  - *И пуля в голове*, – Громов скрывает улыбку за выпитым алкоголем, впервые открыто разговаривая о Никольской.
- (М. Высоцкая, Погрешность, 2020 г.)

- *Значит, звонила. Сейчас?*

– *Да. Степ, может, не стоит так? Она переживает, бедная девочка.*

(М. Высоцкая, Погрешность, 2020 г.)

- *Тебе пойдет*, – Громов останавливается за девичьей спиной, понижая голос.

– *Не люблю красный*, – Ульяна хмурит лоб, отходит чуть дальше, перебирает пластиковые вешалки, словно Громова тут и нет.

(М. Высоцкая, Погрешность, 2020 г.)

• Указание на конкретную причину общения:

- *Старший лейтенант Гринева, уголовный розыск*, – представился крепкош. – *Мне нужно задать вам несколько вопросов.*

– *Пожалуйста*, – Родислав посторонился, пропуская неожиданных гостей в прихожую, – *проходите.*

(Ал. Маринина, Дорога, 2009)

• Уточнение или пояснение данной ситуации:

Не успела я раздеться, как ко мне бросилась мама:

– *Саша! Ко мне сейчас должны прийти, с минуты на минуту. Я тебя очень прошу вести себя прилично. Человек*

первый раз придет в наш дом, пожалуйста, давай без своих фокусов! Поняла?

– Поняла, – кротко ответила я и отправилась мыть руки. Мама, не веря своим ушам, последовала за мной.

(В. В. Ледерман, Первокурсница, 2016)

– Жалко-то как Марусеньку, – закачала мелко головой Раиса. – Ведь пятьдесят лет без малого прожили вот так, через стенку. Я ей во всю жизнь плохого слова не сказала... Я хотела на память...

– Раиса, что вы там хотели? – неожиданно резко перебил ее Генрих.

– Нет, Геня, я только говорю, почти что пятьдесят лет, можно сказать, душа в душу... – и понялась к двери.

(Л. Улицкая, Лестница Якова, 2015 г.)

– Нора, соседи говорят, надо стол накрыть, это... поминки... – отец смотрел на нее с ожиданием.

Нора подумала минуту – бабушка всю жизнь терпеть не могла, когда соседки заходили к ней в комнату. Но теперь было все равно.

– Скажи Катьке, чтоб на стол собрала и дай денег. А накроет пусть на кухне. Только пусть водки много не покупает, а то обопьется. У нас без поминок никак нельзя...

(Л. Улицкая, Лестница Якова, 2015 г.)

• Выражение эмоционального или психологического состояния:

– Как же я соскучился, котенок, – сказал он тихо мне в ухо и коснулся своими пальцами моих губ.

– И как же ты соскучился? – лукаво спросила я у него.

(К. Каретникова, Игра в семью, 2021 г.)

• Выражение субъективного мнения:

Варвара засобиралась, поблагодарила Нору, похвалила младенца:

– Хороший мальш.

Уже спускаясь по лестнице, она повторила, на этот раз сыну:

– Хороший мальш. Жаль, что не наш.

– В каком смысле? – попросил уточнить Витя.

– Ну, хороший мальш у Норы, но это не твой ребенок.

После длинной паузы Витя ответил:

– Какая разница, мама? ...

(Л. Улицкая, Лестница Якова, 2015 г.)

Использование тематических высказываний для вступления в непосредственный речевой контакт вызывает различные реакции со стороны адресата. В кооперативном общении, чаще всего, в качестве ответной реакции, собеседник делает уточнения, пояснения или комментарии, подтверждая, таким образом, что тема разговора ему уже известна:

– С тех пор как мой муж умер, я ни разу еду не готовила,

– извинилась Мизия, и Нора почувствовала, что они, кажется, одной породы...

“Да я своему мужу вообще ни разу в жизни ничего не приготовила”, – подумала Нора. Улыбнулась впервые за эти дни и сказала:

– Простите меня, Мизия, что я тут на вас свалилась.

– Живи, живи, девочка. Я привыкла одна жить. Я давно одна. Но ты мне не мешаешь.

– Я еще несколько дней, хорошо? ...

(Л. Улицкая, Лестница Якова, 2015 г.)

В дверь робко постучали – это был отец, боялся увидеть свою мать обнаженной. Вошел с деловито-радостным лицом, с пальто в руках:

– Норка, я заказал гроб. Привезут завтра утром, к десяти. Даже справку не спросили! Только спросили, какого роста покойник. Я сказал, метр шестьдесят.

– **Метр пятьдесят восемь**, – уточнила Нора. – *И не зови меня так. Нора меня назвали. Твоя мать назвала меня Норой. Ибсена читал?*

(Л. Улицкая, Лестница Якова, 2015 г.)

В режиме кооперативного общения, в фатической ситуации *Вступление в непосредственный речевой контакт*, также нередко встречается использование встречных вопросов в качестве ответной реакции собеседника. Наблюдения над диалогическими единствами показывает, что встречный вопрос в реактивной реплике используется в связи с желанием адресата либо уйти от ответа на неприятный вопрос, либо поменять тему разговора:

– **Степан Арсеньевич, через полчаса консультация. Морозова, та, которая с маммопластикой.**

– **А что там?**

– *Переделывает. Сэкономить хотела, она у Васнецовой в прошлом году уже так нос исправляла. В регион куда-то летала, вот ее там и прооперировали.*

(М. Высоцкая, Погрешность, 2020 г.)

– **Борь**, – обратилась я на перемене к нашему артисту, – **мне нужен как бы мужской взгляд на один предмет.**

– **Что значит – «как бы мужской»?** – оскорбился Горохов.

– **Обидеть норовишь, Александра Ферапонтовна!**

(В. В. Ледерман, Первокурсница, 2016)

В конфликтных же ситуациях общения устанавливаются разнообразные реакции другого участника диалогического общения. Жесткие императивные высказывания, выражение иронии, сарказма, обиды указывают на приподнятое эмоциональное состояние собеседника:

Громов прикрывает глаза, запрокидывая голову, вся эта ситуация выводит его из себя. Этот показательный концерт уже давно перешел все границы.

– Я отвезу тебя домой, – с силой сжимает Ульянов локоть.

– Не трогай меня, убери свои руки.

(М. Высоцкая, Погрешность, 2020 г.)

– У меня деловая встреча, – оповещает будничным тоном, словно Света не была свидетелем этого разговора.

– Вообще-то я все слышала. Деловая? И когда это твоя Свобода вдруг стала деловой?

– Давай без скандалов. Вернусь поздно, не жди, – торопливо, словно для какой-то отмазки целует Талашину в щеку и выходит из кухни.

(М. Высоцкая, Погрешность, 2020 г.)

На начальном этапе общения ярко выраженная фатическая функция обращений мотивирует их употребление. В данной ситуации, в собранном корпусе обращение использовалось в 44 % инициальных реплик и значительно редко в реактивных репликах – 12,5 %.

В исследуемом корпусе болгарских диалогических единств тематические высказывания, используемые для вступления в непосредственный речевой контакт, встречаются реже, чем в русском языке. По количеству они составляют 9 % в исследуемом корпусе диалогических единиц. Как и в русском корпусе, так и в болгарском установлены разного рода ситуации применения тематических высказываний в инициальных репликах в диалогическом взаимодействии между коммуникантами:

• Выражение предположения:

– Предполагаю, че мене чакаш.

Беше Борислав.

- *Позна – рекох. – Нямам левове да си платя консумацията.*
  - *Само това ли?*
  - *Е, ако ти се намира и някое свободно легло...*
- (Б. Райнов, Ченге втора употреба, 2000)*

• **Указание на конкретную причину общения**

- *Дойдох да видя не си ли умрял.*
  - *Защо такива мрачни предчувствия? – промърморих.*
  - *Защото минава полунощ, а ти все още лежиш като труп. Хайде, ставай, че вечерята чака. Толкова труд хвърлих за тия специалитети...*
- (Б. Райнов, Ченге втора употреба, 2000)*

• **Уточнение или пояснение данной ситуации:**

- Наблюдава ме известно време с умерено любопитство, докато се накани да заговори:*
- *Гледам те и ти се чудя на акъла: какъриш се за шофьора, а не помисляш за себе си.*
  - *За какво има да мисля.*
  - *Ами примерно за това!*
- При тия думи изважда от чекмеджето на бюрото 9 милиметров Броунинг.*
- *И за това!*
- (Б. Райнов, Ченге втора употреба, 2000)*

- *Виждам, че още си любител на литературата – забелязвам от учтивост.*
  - *Тези книги не са за четене, а за украса – уточнява Тетето.*
  - *Че не можа ли да си доставиш нещо по-ново, ами си се затрупал с тия вехтории.*
  - *Стига с тези твои плоски шегги. Да се върнем към въпроса.*
- (Б. Райнов, Ченге втора употреба, 2000)*

- *Много се забави, бе, Страхиле – каза авджията.*

– *Свързката закъсня, пък и изчаквах из хрусталаците да проверя дали не ме следи някой.*

– *И кво?*

– *Ами, никой нямаше. По това време нормалните хора си пият ракията.*

(К. Кънчев, Неизживяното минало на един богаташ, 2006)

• **Подтверждение фактов:**

– *Наближаваме* – каза инж. Къбоков.

– *Сигурно се вълнувате* – каза Здравко.

– *А защо трябва да го правя?*

(К. Кънчев, Атомната воденица, 2004)

В кооперативном общении реакции собеседника подтверждают его желание поучаствовать в беседе. В большинстве исследуемых ситуаций в качестве ответной реакции собеседник уточняет, комментирует или поясняет реплику говорящего.

– *Ний амен-амен стигнахме* – каза Божидар.

– *Трябва да наловим таранки* – прозя се Гелето.

– *Аз викам най-напред да хвърлим въдиците и докато шаранът ги разглежда, можем да изкараме със серкмето поне малко тиня и водорасли* – каза Иван, свали бялата си шапка идиотка и забърса потта от полуплешивата си глава.

(К. Кънчев, Атомната воденица, 2004)

– *Разбирам, че съм неканен гост* – признавам. – *Но все пак разчитам да ми отделиш няколко минути за малък разговор.*

– *Няма как. Ще трябва да възнаградя успеха ти, че ме откри. Само че сега съм зает. Нека се видим утре, пак тук, да кажем в един.*

(Б. Райнов, Ченге втора употреба, 2000)

Встречный вопрос в кооперативном развертывании диалогического взаимодействия, как реакция со стороны собеседника, указывает на его желание сразу начать общение:

– *Ти дойде* – каза тя невярващо и Божидар разбра колко много точки е спечелила легендата за консулския син.

– *Готова ли си да тръгваме?* – каза той след целувките.

– *Къде?*

– *Да се разходим. С колата съм – излъга той смело.*

(К. Канчев, Мадоната от кафе „Фиалка“, 2005)

В отличие от исследуемого русского корпуса, в данной ситуации общения в болгарском корпусе отмечается несистематическое употребление форм обращений к собеседнику речи. В анализируемых инициальных репликах оно встречается только в 11 % ситуаций, а в реактивных – наблюдается его полное отсутствие.

Сравнение двух корпусов подтверждает точку зрения о том, что тематические высказывания, иницирующие общение в русском языке, употребляются в некоторой степени чаще, чем в болгарском языке. Известные совпадения при употреблении таких высказываний отмечаются в связи с ситуациями их применения в диалогическом общении. Анализ показывает, что в исследованных корпусах русского и болгарского языков полное совпадение встречается в следующих ситуациях: *указание на конкретную причину общения; уточнение или пояснение данной ситуации; подтверждение фактов.* В русском корпусе обнаруживаются и другие ситуации – *рекомендация собеседнику; сообщение о совершении определенного действия; выражение субъективного мнения.* А в болгарском корпусе выделяется ситуация *выражение предположения.*

При анализе реакций собеседников в кооперативном общении установлено использование одинаковых фатических единиц – уточнений, пояснений, комментариев, встречных вопросов. Эти реакции другого участника диалогического общения удостоверяют его желание принять участие в беседе, а также указывают на то, что тема разговора ему известна. В конфликтном общении реакции собеседника, выраженные жесткими императивными высказываниями, указывают на его эмоциональное состояние.

Существенные расхождения обнаруживаются в связи с частотностью употребления обращений. В русском корпусе их употребление значительно чаще, чем в болгарском. В эксцерпированных русских примерах оно встречается в 44 % инициальных реплик, а в болгарских примерах – в 11 %. В русских реактивных репликах собеседник использует форму адресации к говорящему в 12,5 % ситуаций, а в болгарском не отмечаются таких случаев употребления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Быковская, С. А. Фатический аспект немецкой обиходной речи // Автореф. Дис. Канд. Филол. Наук, Москва, 2003, 268 с.
2. Былкова, С. В. Русские синтаксические конструкции как средство фатического общения // Автореф. Дисс. Канд. Филол. Наук, Ростов-на Дону, 2005, 184 с.
3. Волкова, Л. Г. Фатическая функция и синтаксические средства ее реализации: формальный, семантический, коммуникативно-прагматический аспекты // Автореф. Дисс. Канд. Филол. Наук, Томск, 1998, 177 с.
4. Вострикова, Е. С. Комплимент как одна из форм фатического общения // Автореф. Дисс. Канд. Филол. Наук, Санкт-Петербург, 2009, 177 с.
5. Кульнина, Е. А. Способы вербализации контактоустанавливающей функции в современном немецком языке // Автореф. Дисс. Канд. Филол. Наук, Саранск, 2002, 193 с.
6. Олейникова, С. Ю., Овчинникова, Н. В. Языковые средства установления речевого контакта в различных вариантах английского

языка// Язык, культура, ментальность: проблемы и перспективы филологических исследований. Курск, 2021. С. 209–213. ISBN 978-5-7681-1515-9.

7. Самойленко, Л. В. Фатические средства в речи пользователей компьютерной сетью // Автореф. Дисс. Канд. Филол. Наук, Астрахань, 2010, 165 с.

8. Солдатова, О. С. Фатические эмотивы и стиль коммуникации // Автореф. Дисс. Канд. Филол. Наук, Москва, 2009, 22 с.

9. Стойкова, Н. С. Фатические единицы на этапе установления речевого контакта в русском и болгарском языках// УИ „Епископ Константин Преславски“, Шумен, 2022, 225 с. ISBN: 978-619-201-623-4.

10. Федотова, В. Ю. Функционально-прагматическая характеристика фатических стратегий французского языка // Автореф. Дисс. Канд. Филол. Наук, Пятигорск, 2004, 140 с.

ИСТОЧНИКИ

1. *Высоцкая М.* Погрешность, 2022. URL: <https://litnet.com/ru/reader/pogreshnost-b186863> (дата обращения 29.07.2024).

2. *Каретникова К.* Игра в семью, 2021. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=715163> (дата обращения 29.07.2024).

3. *Кънчев К.* Мадоната от кафе „Фиалка“, 2005. URL: <https://chitanka.info/text/45744-madonata-ot-kafe-fialka> (дата обращения 29.07.2024).

4. *Кънчев К.* Неизживяното минало на един богаташ, 2006. URL: <https://chitanka.info/text/46669-neizzhivjanoto-minalo-na-edin-bogatash> (дата обращения 29.07.2024).

5. *Кънчев К.* Атомната воденица, 2004. URL: <https://chitanka.info/text/43540-atomnata-vodenitsa> (дата обращения 29.07.2024).

6. *Ледерман В.* Первокурсница, 2016. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=571817&p=1> (дата обращения 29.07.2024).

7. *Маринина Ал.* Дорога, 2009. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=99850&p=1> (дата обращения 29.07.2024).

8. *Райнов Б.* Ченге втора употреба, 2000. URL: <https://chitanka.info/text/2793-chenge-vtora-upotreba/2#textstart> (дата обращения 29.07.2024).

9. *Улицкая Л.* Лестница Якова, 2015. URL: <https://flibusta.su/book/2039-lestnitsa-yakova/read/> (дата обращения 29.07.2024).

REFERENCES

1. Bykovskaya, S. A. Fatcheskij aspekt nemeckoj obihodnoj rechi // Avtoref. Dis. Kand. Filol. Nauk, Moskva, 2003, 268 s.
2. Bylkova, S. V. Russkie sintaksicheskie konstrukcii kak sredstvo fatcheskogo obshcheniya // Avtoref. Diss. Kand. Filol. Nauk, Rostov-na Donu, 2005, 184 s.
3. Volkova, L. G. Fatcheskaya funkciya i sintaksicheskie sredstva ee realizacii: formal'nyj, semnaticeskij, kommunikativno-pragmaticeskij aspekt // Avtoref. Diss. Kand. Filol. Nauk, Tomsk, 1998, 177 s.
4. Vostrikova, E. S. Kompliment kak odna iz form fatcheskogo obshcheniya // Avtoref. Diss. Kand. Filol. Nauk, Sankt-Peterburg, 2009, 177 s.
5. Kul'nina, E. A. Sposoby verbalizacii kontaktoustanavlivayushchej funkcii v sovremennom nemeckom yazyke // Avtoref. Diss. Kand. Filol. Nauk, Saransk, 2002, 193 s.
6. Olejnikova, S. Yu., Ovchinnikova, N. V. Yazykovye sredstva ustanovleniya rechevogo kontakta v razlichnyh variantah anglijskogo yazyka // Yazyk, kul'tura, mental'nost': problemy i perspektivy filologicheskikh issledovanij. Kursk, 2021. S. 209–213. ISBN 978-5-7681-1515-9.
7. Samojlenko, L. V. Fatcheskie sredstva v rechi pol'zovatelej komp'yuternoj set'yu // Avtoref. Diss. Kand. Filol. Nauk, Astrahan', 2010, 165 s.
8. Soldatova, O. S. Fatcheskie emotivy i stil' kommunikacii // Avtoref. Diss. Kand. Filol. Nauk, Moskva, 2009, 22 s.
9. Stoykova, N. S. Fatcheskie edinicy na etape ustanovleniya rechevogo kontakta v russkom i bolgarskom yazykah // UI „Episkop Konstantin Preslavski“, Shumen, 2022, 225 s. ISBN 978-619-201-623-4.
10. Fedotova, V. Yu. Funkcional'no-pragmaticeskaya karakteristika fatcheskih strategij francuzskogo yazyka // Avtoref. Diss. Kand. Filol. Nauk, Pyatigorsk, 2004, 140 s.

SOURCES

1. Vysockaya M. Pogreshnost', 2022. URL: <https://litnet.com/ru/reader/pogreshnost-b186863> (data obrashcheniya 29.07.2024).
2. Karetnikova K. Igra v sem'yu, 2021. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=715163> (data obrashcheniya 29.07.2024).
3. Kanchev K. Madonata ot kafe „Fialka“, 2005. URL: <https://chitanka.info/text/45744-madonata-ot-kafe-fialka> (data obrashcheniya 29.07.2024).

4. Kanchev K. Neizzhivyanoto minalo na edin bogatash, 2006. URL: <https://chitanka.info/text/46669-neizzhivjanoto-minalo-na-edin-bogatash> (data obrashcheniya 29.07.2024).
5. Kanchev K. Atomnata vodenica, 2004. URL: <https://chitanka.info/text/43540-atomnata-vodenitsa> (data obrashcheniya 29.07.2024).
6. Lederman V. Pervokursnica, 2016. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=571817&p=1> (data obrashcheniya 29.07.2024).
7. Marinina Al. Doroga, 2009. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=99850&p=1> (data obrashcheniya 29.07.2024).
8. Raynov B. Chenge vtora upotreba, 2000. URL: <https://chitanka.info/text/2793-chenge-vtora-upotreba/2#textstart> (data obrashcheniya 29.07.2024).
9. Ulickaya L. Lestnica Yakova, 2015 URL: <https://flibusta.su/book/2039-lestnitsa-yakova/read/> (data obrashcheniya 29.07.2024).

Надежда Стойкова

доцент, доктор филологии,

Шуменский университет им. Епископа Константина Преславского

г. Шумен, Болгария

n.stoykova@shu.bg

ORCID: 0000-0002-3315-3707

Researcher ID: C-1122-2017

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (на материале русского и болгарского языков)

Татьяна Терзиева

Абстракт: Статья посвящена основным проблемам перевода фразеологических единиц на материале русского и болгарского языков. Перевод фразеологизмов является одним из наиболее сложных вопросов переводческой деятельности, поскольку при передаче данных языковых единиц происходит не просто замена одного языка на другой, а наблюдается столкновение различных культур и традиций. Чтобы выполнить качественный перевод, переводчику необходимо не только в совершенстве владеть нормами как языка оригинала, так и языка перевода, но он также должен уметь сопоставлять и учитывать национально-культурную специфику данных языков. Данная проблематика привлекает внимание многих лингвистов, но, учитывая, что переводческая деятельность является сравнительно молодой наукой, она остается недостаточно изученной и разработанной, в частности в области фразеологии, и требует глубокого анализа как в теоретическом, так и в прикладном аспекте.

Ключевые слова: перевод; фразеологические единицы; проблемы перевода фразеологизмов

DOI: <https://doi.org/10.46687/MLHF4402>

SPECIFICITY OF TRANSLATION OF PHRASEOLOGICAL UNITS (on the material of Russian and Bulgarian languages)

Tatyana Terzieva

Annotation: The article is devoted to the main problems of translating phraseological units on the material of Russian and Bulgarian languages. Translation of phraseological units is one of the most difficult issues of translation activity, because when translating these linguistic units there is not just a replacement of one language for another, but there is a

collision of different cultures and traditions. Therefore, to achieve a high-quality translation, the translator must not only have an excellent command of both the source and target languages but also be capable of comparing and considering the cultural and national specifics of these languages. Despite the fact that this problematic attracts the attention of many linguists, it is understudied and underdeveloped, and requires in-depth analysis both in theoretical and applied aspects.

Key words: translation; phraseological units; problems of translating phraseological units.

Обогащение литературного языка любого народа новыми выразительными возможностями и средствами, а также его национально-культурная специфика наиболее ярко проявляется в области фразеологии с присущим ей многообразием. В ней, особенно в пословицах и поговорках, воплощен исторический опыт народа, отражается его быт, культура, традиции, ментальность. Именно фразеология любого языка отражает характерную для данного народа образность и экспрессивность. Фразеология, отражающая психологию, мудрость и традиции народа, представляет собой огромное богатство выражения. Благодаря своей эмоциональной окрашенности, экспрессивности и национальной специфике она придает речи особый колорит и живость.

Многие исследователи считают, что фразеологизм обладает целым комплексом характерных ему признаков. Так, например, по мнению А. М. Бабкина, фразеологизму присущи такие черты как смысловая целостность, устойчивость сочетания слов, переносное значение, экспрессивно-эмоциональная выразительность [1, с. 7–9]. В качестве основных категориальных признаков фразеологизмов А. И. Молотков выделяет такие, как лексическое значение, компонентный состав и грамматическое значение [9, с. 21]. Вероятно, такое резкое расхождение во мнениях можно

объяснить сложностью фразеологизма как категориальной языковой единицы.

В данной статье будут рассмотрены некоторые основные вопросы перевода фразеологизмов на материале русского и болгарского языков. Перевод фразеологизмов является одним из наиболее сложных вопросов переводческой деятельности, поскольку при передаче данных языковых единиц происходит не просто замена одного языка на другой, а наблюдается столкновение различных культур и традиций.

Как уже было отмечено выше, основной особенностью фразеологических единиц (ФЕ, фразеологизмов) является их семантическая нерасчлененность и обобщенный смысл. Данные языковые единицы всегда сложны по составу, образуются соединением нескольких компонентов, имеющих отдельное ударение, но не сохраняющих при этом значения отдельных слов: *кривить душой* (быть неискренним, лицемерить, поступать против совести, говорить неправду); *втирать очки* (лгать, обманывать, на словах или на деле, создавая видимость благополучия в чем-либо; говорить нелепые вещи); *вешать лапшу на уши* (обманывать кого-либо, намеренно вводить в заблуждение; отвлекать от сути разговорами); *пускать пыль в глаза* (создавать ложное впечатление о себе у кого-либо, пытаясь представить себя, свое положение значительно лучше, чем оно есть в действительности); *спустя рукава* (плохо, небрежно делать что-либо); *плестись в хвосте* (1) идти медленно и устало, с трудом передвигаться, отставать ото всех; 2) быть на последнем месте вследствие медленной, неумелой и т.п. работы); *как кошка с собакой* (враждовать, быть в крайне неприязненных отношениях) и др. ФЕ характеризуются определенной сочетаемостью входящих в его состав компонентов (тот или иной компонент нельзя заменить близким по значению словом): *тертый калач* (не бублик, не пряник) –

опытный, бывалый человек, повидавшего много в своей жизни, которого трудно обмануть; *засучить рукава (не закатать)* – приступать энергично к делу, со всем усердием и старанием; *кот наплакал (не кошка наплакала или кот нарыдал)* – крайне мало, недостаточное количество чего-либо и т.д. Большинству фразеологизмов свойственна непроницаемость структуры, в них нельзя произвольно включать другие элементы, напр.: *задирать нос – (высоко) задирать нос; пройти огонь и воду (и медные трубы); семь раз отмерь (один раз отрежь)* и др. Для значительного большинства фразеологизмов характерен также строго закрепленный порядок слов: *ни свет, ни заря; кровь с молоком*. Однако, фразеологизмы, состоящие из глагола и зависящих от него слов, допускают инверсию: *набрать в рот воды – воды в рот набрать; не оставит камня на камне – камня на камне не оставит* и др.

Известно, что во всех языках фразеология используется для усиления образности, оценки и экспрессивности речи, а также для стилистического маркирования текста. Данная функциональная сторона имеет решающее значение для перевода. Практически в каждом языке существует несколько уровней фразеологизмов: 1) зафиксированные словарем и известные всем; 2) выходящие из употребления, но отмеченные словарем; 3) известные всем, но по каким-либо причинам не зафиксированные словарем; 4) известные отдельным общественным группам. Общей чертой для всех типов фразеологизмов является то, что они активно функционируют и используются в речи, запоминаются и воспроизводятся говорящим как единое целое. Слушающий тоже воспринимает их как единый семантический комплекс. От соответствующих лексических единиц с нейтральным значением ФЕ отличаются тем, что они:

- всегда насыщены экспрессией, напр.: (идти) рядом – (идти) *плечом к плечу*; молчи – *держи язык за*

зубами; запомни – *заруби себе на носу*; стремительно (бежать) – (бежать) *сломя голову*; (жить) дружно, в согласии, в гармоничных отношениях – (жить) *душа в душу*; (жить) богато, не считаясь с затратами – (жить) *на широкую ногу* и т.д. В таких фразеологизмах основой значения служит живой образ, который воспринимается не буквально, а в своем переносном значении. Тем самым придавая ФЕ выразительность и экспрессивность, и создавая дополнительный подтекст, который отсутствует в соответствующем аналоге с нейтральным значением.

- обычно выражают какую-либо оценку или эмоционально-экспрессивное отношение, которое отсутствует в лексеме с нейтральным значением. Напр., слово "молодой" нейтрально, не выражает никакой оценки, а вот "*у него молоко на губах не обсохло*" или "*он совсем еще зеленый*" выражают шутовское или пренебрежительное отношение. Срв. также "*умереть*" и "*откинуть ноги*", "*сыграть в ящик*", "*дать дуба*"; "*дремать*" и "*клевать носом*" и т.д.

- часто выражают более высокую степень качества или свойства. Напр., очень удивляться – *глаза на лоб лезут*; ужасаться чего-либо – *волосы встают дыбом на голове*; голодать – *положить зубы на полку*; смущаться, испытывать неудобство – *вгонять в краску, готов сквозь землю провалиться* и др. Это объясняется тем, что в составе большинства фразеологизмов содержатся различные средства образной выразительности речи, такие как метафоры, сравнения, гиперболы и т.д.

- всегда стилистически маркированы, в то время как соответствующая им лексическая единица во многих случаях является стилистически нейтральной. Срв.: очень мало – *как кот наплакал*; очень много – *выше крыши*; очень быстро – *сломя голову* и т.д. Стилистическая маркированность фразеологизма всегда воспринимается ярче, чем

соответствующее фразеологизму слово, которое несет такую же стилистическую окраску. Срв., напр., рус. разг. "ему досталось" и его перевод при помощи болгарского фразеологизма "ял му е попарата"; "не смел перечить" и "не смееше и дума да му продума" и др.

С точки зрения стилистической характеристики фразеологизмы делятся на межстилевые (нейтральные), книжные и разговорные. Фразеологизмы встречаются во всех стилях и жанрах речи, включая научную, публицистическую и общественно-политическую литературу, официально-деловые документы и художественные произведения. В каждом конкретном случае возможность использования данного фразеологизма зависит от его стилистической окраски и от того, соответствует ли он общему стилю текста в целом. Например, в научной литературе используются книжные и межстилевые (нейтральные) фразеологизмы, такие как *упустить из виду, вводить в заблуждение, назрела необходимость, сдержать слово, возбудить интерес, вносить / внести свою лепту* и т.п. Для официально-деловых текстов характерно использование межстилевой (нейтральной) фразеологии, а также характерных для этого стиля терминологических фразеологизмов и фразеологизмов-клише – *повестка дня, занести в протокол, удостоверить полномочия, в соответствии с достигнутой договоренностью, оказание помощи* и т.п. Язык публицистических и общественно-политических текстов ясно демонстрирует тенденцию метафоризации языка посредством употребления книжных, межстилевых и разговорных фразеологизмов – *свобода выбора, политика открытых дверей, цветная революция, класть / положить карты на стол, открывать / открыть дорогу, давать / дать (кому-либо) зеленый свет, держать все нити в своих руках, вопрос жизни и смерти, слуга народа, камень преткновения,*

ставит точку и т.д. Для художественных текстов характерна книжная, межстилевая и разговорная фразеология – *умыть руки, бить себя в грудь, сломать себе шею, драть горло, до потери сознания, подложить свинью, прижать хвост, висеть на волоске, взять быка за рога* и т.д. В художественных текстах функции фразеологизмов весьма разнообразны, но самой главной из них является прагматическая функция – передача коннотативного значения фразеологизма, служащего средством выражения определенных оценок, чувств и эмоций, которые подразумеваются в семантике данного фразеологизма, и соответственно вызывающего такие эмоции, чувства и оценку у адресата.

Все богатство и разнообразие фразеологии более ярко выражается в разговорном стиле, что, в свою очередь, представляет наибольший интерес в области перевода.

В теории перевода в понятие "фразеологизм" включаются не только идиомы, но и пословицы, поговорки, афоризмы, "крылатые выражения", прецедентные высказывания, типа: *"На каждого мудреца довольно простоты"* (название пьесы А. Островского) – *"И най-мъдрият си е малко прост"*; *"Хотели как лучше, а получилось как всегда"* (В. Черномырдин) – *"Искахме най-доброто, но се получи същото, както винаги"*; *"Лед тронулся, господа присяжные заседатели"* (И. Ильф, Е. Петров) – *"Ледът се раздвижи / се разчупи, господа съдебни заседатели"* и др.

Фразеологизмы встречаются как в авторской, так и в прямой речи художественных произведений. Они указывают на социальную принадлежность героев, на их профессию, характер, культурный уровень, темперамент, мировоззрение и т.д. В разговорной речи они придают высказыванию экспрессию и силу воздействия, поэтому очень важно при переводе фразеологии сохранять общий смысл, стилистическую маркированность и ее экспрессивно-образную функцию. Независимо от того, что при переводе конкретный

образ зачастую изменяется, необходимо сохранять образность текста. Напр.: *"А ты что насупилась, словно тетка тебя родила?"* (А. П. Чехов, "Агафья") – *А ти какво се нацупи, като че ли са ти потънали гемииите?*; *"Злые языки начали звонить?"* (А. И. Куприн, "Молох") – *Злите езици се развързаха*. В некоторых случаях, однако, образному фразеологизму языка оригинала по значению и употреблению в языке перевода соответствует необразный фразеологизм или свободное словосочетание. Напр.: *комар носа не подточит – никакой не може да ти намери кусур*. В таких случаях переводчик использует его, поскольку фразеологизм практически всегда более выразителен, чем обычное, свободное словосочетание или отдельное слово, этим самым передавая читателю не только предметно-логическое, но и эмоциональное содержание оригинального текста.

ФЕ относятся к самым трудным для перевода элементам языка и речи, и ставят перед переводчиком весьма сложные задачи. Переводчик не всегда может понять, что это именно фразеологизм, и поэтому будет пытаться перевести устойчивый речевой оборот как обычное сочетание слов, что приводит к ошибкам и искажению текста [6, с. 110–115]. Эти проблемы обусловлены самой природой ФЕ. С одной стороны, это связано с их формальным выражением, так как в их состав входит более одной лексемы. И, с другой стороны, с точки зрения содержания, ФЕ отличается от лексемы своеобразной фразеологической абстракцией, значением составляющих ее компонентов, коннотативностью [8, с. 10]. Фразеологизм всегда обладает "своим" новым лексическим значением, которое не является совокупностью отдельных лексических значений, входящих в его состав компонентов. Ср., *лижа подметките на някого* и соответствующий ему русский эквивалент *лизать подметки кому-либо*. Новое лексическое значение данного фразеологизма *подлизываться, лебезить, подхалимничать,*

угодничать, потакать, пресмыкаться (подмазав се, угоднича) и является его первым постоянным признаком. Если же данное новое лексическое значение не известно и не учитывается при переводе, то фразеологизм разрушается и воспринимается как свободная синтаксическая единица. Вот, например, сравним некоторые неправильные переводы русских фразеологизмов: *после дождичка в четверг* в одноименной кинокомедии как в *четвъртък след дъжда* (1985 г., режиссер Михаил Юзовский), т.е. сделан буквальный перевод вместо *на куково лято, когато цъфнат налъмите, един господ знае кога* и другие эквиваленты, которые могли бы подсказать болгарскому зрителю содержание и характер фильма. Или: в комедии "Лекарство против страха" (1978 г., режиссер Альберт Мкртчян) фразеологизм *у него не все дома*, несмотря на отсутствие какой-либо логики переведен как *те не са всички в къщи*, вместо *дъската му хлопа, не е с всичкия си (акъл)* и др. [9, с. 38]. Не являются исключением и обратные случаи дословного перевода фразеологизмов с болгарского на русский. Даже в словарях встречаются подобные ошибки. Так, например, в "Болгарско-русском словаре" Савы Чукалова (второе издание БАН, София 1957 г.) фразеологизм *сбъркал си адреса* переведен как *ты попал не по тому адресу*, вместо более точного *не на того напал; събирай си пъртушината – собирай свои пожитки*, вместо *собирай свои монатки*. Также, в "Болгарско-русском словаре" Самуила Борисовича Бернштейна (1953 г.) встречаем несуществующий в болгарском языке фразеологизм *на един залп* (изпия) под влиянием русского фразеологизма *одним залпом* (выпить) вместо *на един дъх* (изпивам / изпия) и др.

Приведенные выше примеры неправильного перевода фразеологизмов легко объясняются тем, что большинство из них имеют свои так называемые "прототипы", т.е. свободные

синтаксические словосочетания, так, например, в болгарском языке *хващам се / хвана се на въдицата* (оставям се да бъда подведен, измамен; повярвам в някаква хитро скроена измама или се оставям да бъда въввлечен в някаква несигурна, опасна работа – позволять ввести себя в заблуждение, быть обманутым; поверить в какой-то коварный обман или позволить втянуть себя в какое-то ненадежное, опасное дело) и *хвана се на въдицата* (когда речь реально идет о пойманной рыбе); или *закидывать / закинуть удочку* (разузнать или намекнуть что-либо, осторожно начать какое-либо дело для того, чтобы дальше достичь успеха, получить какой-либо результат) и *закидывать / закинуть удочку* (в реку для ловли рыбы). Однако, разница между ними заключается в том, что во фразеологизме становится явным изменение первоначального значения, в результате чего появляется новое лексическое значение, которое необходимо знать и обязательно учитывать при переводе.

Из выше изложенного видно, что в языковой системе ФЕ находятся на промежуточном уровне, т.е. расположена между лексемой и свободной синтаксической единицей, так как синтаксический корпус является неделимым от ее лексической оболочки. Таким образом, внутренняя семантическая нерасчлененность становится общим конструктивным признаком ФЕ. Поэтому в случае свободной синтаксической единицы мы говорим о сочетании слов в соответствии с определенными нормами языка, а когда речь идет о фразеологизме, то имеется в виду его компонентный состав. Следовательно, компонентный состав является вторым постоянным признаком ФЕ.

К третьему постоянному признаку ФЕ следует относить свойственные ей грамматические категории. Как не существует ни одной ФЕ без конкретного лексического значения, так не существует и ФЕ без конкретной грамматической характеристики. Иначе была бы невозможна

сочетаемость ФЕ с другими словами, так как она реализуется только по законам лексической и грамматической сочетаемости. Лексическое и грамматическое значение ФЕ в совокупности и определяют её семантику. На этом основании А. И. Молотков справедливо отмечает, что "фразеологизм и слово не эквивалентны, они не тождественны друг другу, не адекватны как единицы, они не повторяют друг друга и незаменимы одни другими" [10, с. 29].

Вот почему при переводе данной ФЕ самой важной задачей является поиск соответствующего фразеологического эквивалента, и только в случае его отсутствия в соответствующем языке, прибегнуть к слову-эквиваленту или описательному переводу.

Известно, что фразеологизмы характеризуются особой образностью, экспрессивно-эмоциональной выразительностью и стилистической окрашенностью. Но это, как отмечает А. И. Молотков, не категориальные признаки, а сопутствующие категориальным, и их следует отличать от чисто категориальных. Некоторые из этих сопутствующих категориальных признаков настолько характерны для определенных фразеологизмов, что могут считаться постоянными, но это не превращает их в чисто категориальные [10, с. 18].

Сравним, например, болгарские синонимичные фразеологизмы *вземам / взема ума на някого* и *вземам / взема акъла на някого*. Оба фразеологических синонима относятся к разговорному стилю, хотя между ними наблюдается резко выраженный нюанс в отношении стилистической характеристики: компонент **ум** стилистически нейтрален, а компонент **акъл** относится к разговорному стилю и даже приближается к просторечию. Именно этот стилистический нюанс является постоянным признаком фразеологизма *вземам / взема акъла на някого*, но не категориальным. В данном случае категориальными признаками приведенных фразеологизмов

являются лексическое значение, компонентный состав и грамматическая характеристика. Стилистическая характеристика, разумеется, играет важную роль при переводе ФЕ в целом, и предопределяет выбор наиболее подходящего эквивалента.

В работах многих исследователей (Я. И. Рецкер, В. Н. Комиссаров, И. Васева и др.) выделяются два основных типа трудностей при переводе фразеологизмов: 1) трудности распознавания или понимания ФЕ; и 2) трудности при выборе способа перевода.

В первом случае обычно переводчик, не владеющий в совершенстве иностранным языком, принимает фразеологизм за обычное свободное словосочетание и переводит дословно, напр.: *забрили ему лоб – обръснаха му челото* вм. *взеха го войник*; *и смех и грех – и смях и грях* вм. *да се смееш ли, да плачеш ли*.

Возможна и другая ошибка: когда переводчик принимает ФЕ за авторское новообразование, за окказиональное образное выражение. Напр. *Чтоб гусей не раздразить – за да не раздрази гъските* вм. *да не разлае кучетата*; *что ты полез в бутылку – защо се хващаш за бутилката* вм. *защо вдигааш пара*.

Ср. еще: *Бонапарте в рубашке родился. Солдаты у него прекрасные*. (Л. Н. Толстой, "Война и мир") – *Бонапарте се е родил с риза* (вм. *с късмет*). *Войниците му са отлични*.

Иногда переводчику может помешать межъязыковая интерференция (унификация фразеологических систем двух языков), т.е. механический перенос элементов одного языка на другой. Напр. *Бог с ним!* можно ошибочно перевести *Бог да му е на помощ!* вм. *Остави го! Зарежи го!*

Особенно сильно влияет интерференция в случаях, когда в обоих языках имеются фразеологизмы сходные по форме, но различные по значению. Напр.: *водить кого-л. за*

нос = обманывать ложными обещаниями – *вода някого за носа* = имею власть над кем-л. (рус. *водить на поводу*); *с легкой руки кого-л.* = по примеру, по инициативе кого-л. – *с лека рѣка* = легкомысленно, необдуманно; *мокрая курица* = бесхарактерный человек – *мокра кокошка* = мокрый человек (рус. *мокрый как мышь*) и т.д.

Еще одна очень важная трудность, которая заслуживает особого внимания, и с которой сталкиваются даже опытные переводчики, это перевод фразеологизмов, имеющих национально-культурную окраску, так как национально окрашенные фразеологизмы в качестве компонента содержат национальную реалию, связанную с конкретным историческим фактом, географией, культурой и бытом данного народа. В состав данных фразеологизмов могут входить также и прецедентные имена. Общепринятое переносное значение, закрепившееся за фразеологизмом, содержащим компонент с прецедентным именем, формируется на основе прецедентной ситуации, из которой выделяется наиболее яркий, представительный элемент или наиболее характерный признак. Данные предметы и признаки устойчиво связываются с прецедентным именем, являясь компонентом фразеологического оборота и отвечая признаку воспроизводимости. Такие фразеологизмы придают языку и речи особенный колорит и самобытный характер. Напр.: в рус. яз.: *во / на всю ивановскую* = очень громко кричать, храпеть и т.п., *как Мамай прошел* = полнейший беспорядок, разгром, страшное опустошение где-либо; *в Тулу со своим самоваром не ходят* = о лишнем багаже, который путешествующий легко может найти в точке прибытия, так как город Тула – это крупнейший и старейший центр металлургии, который славится производством оружия и металлических изделий домашнего обихода, в частности самоваров; *язык до Киева доведет* = умение правильно и убедительно говорить, задавать вопросы и вести

беседу может помочь человеку в любой ситуации, в том числе и в путешествии; *попасть впросак* = попасть в затруднительное, неловкое или смешное положение; *бить баклуши* = бездельничать, заниматься пустяковым делом; *верста коломенская* = человек очень высокого роста и др. В болгарском языке во фразеологизмах типа: *як като Боримечката* = сильный как медведь; *от времето на Балканската война* = очень давно; *Гюро Михайлов* = человек, бессмысленно жертвующий собой, проявляющий бездумное упрямство, беспримерный героизм; *Мара подробната* = об очень любопытном человеке; *Бай Ганьо* = глупый, хитрый и недоверчивый человек и др.

При переводе национально окрашенные фразеологизмы либо калькируются (напр. *мамаево побоище*; *тръгнал за Тула със свой си самовар*) с целью сохранить национальный и исторический колорит, либо заменяются нейтральными, напр. *голяма битка*; *на краставичар краставици продава*). Недопустимо переводить ФЕ, содержащую национально маркированный элемент единицей, содержащей такой же элемент. Как нельзя смешивать реалии, так нельзя смешивать национально окрашенные ФЕ разных народов. Так, например, выражению *язык до Киева доведет* в болгарском языке соответствует выражение *с питане до Цариград се стига*, содержащий географическую реалию. Однако, при переводе данного выражения следует использовать фразеологический эквивалент, не содержащий компонент национальной реалии – *с питане далеч се стига* и т.д.

Наблюдения показывают, что перевод фразеологизмов осуществляется посредством: а) поиска соответствующего фразеологического эквивалента в языке перевода, т.е. фразеологизм переводится фразеологизмом; б) фразеологизм передается образным свободным

словосочетанием; в) фразеологизм переводится как свободное словосочетание – толкование; г) фразеологизм передается словом.

Наиболее точным и отражающим полную специфику фразеологизма является перевод ФЕ – ФЕ, так как отдельное слово, каким бы экспрессивным или эмоционально насыщенным оно ни было, не содержит всего комплексного богатства ФЕ, такого как образность, выразительность, метафора, постоянные сравнения и т.д. Это самый лучший способ перевода, так как сохраняется вся смысловая и экспрессивная нагрузка текста. Но переводчик должен быть очень осторожным и не допускать случаи стилистического и семантического несовпадения. Сравним, например, богатые по образной выразительности фразеологизмы и соответствующие им эквивалентные слова: в рус. яз.: *в нескольких (в двух, в трех) шагах, под боком, под самым носом, рукой подать* = близко; *балалайка бесструнная* = болтун; *сколько душе угодно, сколько влезет (об еде), до отвала* = вдоволь; *в четырех стенах* = взаперти; *бред сивой кобылы, ерунда (чепуха) на постном масле* = вздор; *совать (свой) нос* = вмешиваться и др.; в болг. яз. *миша дупка* = затѣнено място; *гладен като църковна мишка* = много гладен; *стискаам зъби* = тѣрпя; *чуля кръста* = угодница и др.

При переводе ФЕ – ФЕ возможны следующие случаи: а) полное сохранение образности исходной ФЕ: *играть с огнем* – *играя си с огъня*; *быть на седьмом небе* – *на седмото небе съм*; *знать как свои пять пальцев* – *познавам като петте си пръста*; *в двух шагах* – *на две крачки*; *под самым носом* – *под / пред носа ми*; *играть первую скрипку* – *свиря пѣвра цигулка* и др.; б) частичное сохранение образности: *плясать под чужую дудку* – *играя по чужда свирка*; *зубы чесать* – *чеша си езика*; *показать спину* – *обръщам грѣб*; *цыплят по осени считают* – *пилците се броят наесен*; *клин клином вышибают* – *клин клин избива* и др.; в) полная замена

образности, но с сохранением общего смысла и стилистической характеристики: *у него не все дома – хлопа му дъската; два сапога пара – един дол дренки; променять кукушкy на ястреба – сменям кон за кокошка; язык не поворачивается сказать – сърце не ми дава да кажа; стреляный воробей – гърмян заек.*

При отсутствии соответствующей по значению или функции ФЕ или же в случаях, когда переводчик желает сохранить специфическую образность оригинала он может использовать калькирование (поэлементный перевод ФЕ) или создать нестандартное словосочетание, индивидуальный эквивалент, используя знакомые из фольклора фразеосхемы и специфические конструкции. Напр.: – *Ах, какая ты смешная! Не по хорошу мил, а по милу хорош!* (Л. Н. Толстой, "Война и мир") – *Ах, колко си смешна! Не ми е мил, защото е хубав, а е хубав, защото ми е мил. В тихом омуте черти водятся. – В тихото бласто, както казват, дяволи се въдят* (вм. *Тихата вода е най-дълбока*). *Любишь кататься – люби и саночки возить. – Който иска да се пързая, ще трябва да си мъкне шейната* (вм. более фамильярного *Всяко удовольствие се заплаща*).

Калькирование необходимо применять в тех случаях, когда переводчик уверен, что дословный перевод может довести до читателя истинный смысл переводимой ФЕ. Как правило, это возможно при переводе фразеологических единств и проблематично при переводе фразеологических сращений.

В большинстве случаев перевод-толкование при помощи свободного словосочетания приводит к потере экспрессивности, речевой стандартности, образности. Сохраняется только общий смысл. Напр. *Ни одной мысли в голове, хоть шаром покати.* (Л. Н. Толстой, "Анна Каренина") – *В главата ми няма нито една мисъл, съвсем е празно.*

Как уже было отмечено выше, при переводе фразеологизму может соответствовать также и отдельное слово. *Ремонт нам влезет в копеечку.* (М. А. Шолохов, "Поднятая целина") – *Ремонтът ще ни излезе скъпо.* К этому типу перевода переводчик обращается при отсутствии соотносительной ФЕ, когда ему трудно самому подыскать или придумать подходящее стандартное выражение.

Возможно и обратное соотношение – перевод слова при помощи ФЕ, напр.: *Я осерчал и ударил ее раза два удечкой.* (А. П. Чехов, "Бабы") – *Кипнаха ми келите, на я ударих един-два пъти с юздата.* Этот способ перевода можно использовать при необходимости компенсировать вынужденное упущение ФЕ в другой части текста. Данный прием перевода применяется в случаях, когда составному термину в переводном языке соответствует однословная номинация, например, болг. *зъбно колело* рус. – *шестерня*, а также при передаче ряда глагольно-именных сочетаний, напр.: *передавать забвению* – *забравям*; *принять решение* – *решавам*; *питать доверие* – *доверявам се*, *отправить в командировку* – *командиравам* и др.

Что касается описательного вида перевода ФЕ, то его следует применять в случаях, когда в языке перевода отсутствует соответствующий фразеологический эквивалент или содержание фразеологизма не может быть передано одним словом и нуждается в более развернутом объяснении. Этот вид перевода наиболее удалён от оригинала и при нем обычно теряется вся образность, экспрессивность и стилистическая окраска, но при отсутствии других языковых возможностей следует использовать именно данный способ. Сравним, например, русские ФЕ, которые переводятся на болгарский только при помощи описательного перевода: *кишка тонка* = а) няма сили (способности) за някого, който не е в състояние да извърши нещо; не може да издържи някой на нещо; б) липсват нужните средства, за да се реализира

нешо – *"Мы в одиночку революцию поднимать не можем – кишка тонка"* (В. Я. Шишков, "Угрюм-река"); *"Вот мы на заводе делаем трактора для вас. Бедняку и середняку – одиночка трактор купить слабо: кишка тонка"* (М. А. Шолохов, "Поднятая целина"); *не чаять души в ком-либо* = много силно да обичаш някого – *"Отец и мать души в ней не чаяли: была у них Настенька одна единственная дочь-детище ..."* (П. И. Мельников-Печерский, "Бабушкины рассказы").

Немало примеров можно привести, когда болгарские ФЕ переводятся на русский язык только описательным способом. Напр.: *минах баира* = все страшное позади, кризис миновал – *"Дядо Еким – Минахме баира, драги другарки! Минахме баира! Нека сега лаят кучетата колкото си щат!"* (К. Калчев, "Семейството на тъкачите") – *Дед Еким – Дорогие женщины, все страшное уже позади! Пусть они теперь брешут сколько хотят!; имам вземане-даване с някого* = а) иметь деловые связи с кем-либо – *"Казаха ми, че един търговец ме търсил, за когото помислих, че може да е някой от ония, с които имах вземане-даване!"* (З. Стоянов, "Записки по българските въстания") – *Мне сообщили, что какой-то купец спрашивает меня. Я подумал, может, это один из тех, с кем я имел дела;* б) иметь дело с кем-либо, иметь что-то общее с кем-либо, быть связанным с кем-либо – *"Но той имаше опит, пипаше внимателно, знаеше с кого си имаше вземане-даване, вардеше се, не оставяше никакви следи ..."* (Г. Караславов, "Нови пътища") – *Но он был опытен, действовал осторожно, знал, с кем имеет дело, и был настороже, не оставлял никаких следов ...*

Одной из важных проблем перевода являются также те случаи, когда фразеологизму одного языка соответствуют несколько синонимичных фразеологизмов в другом языке, что приводит к трудностям и ошибкам при переводе. Выбор синонима в конкретном тексте во многом зависит от его

стилистической характеристики. Фразеологические синонимы часто полностью совпадают по своему значению, но существенно различаются по стилистической окраске, что во многом определяет выбор эквивалента. Несмотря на то, что стилистическая характеристика не относится к категориальным признакам, она играет важную роль при переводе и создает определенные трудности. От удачного стилистического подбора фразеологического эквивалента зависят как полнота, так и точность перевода, его приближение к оригиналу. Тонкие стилистические нюансы способствуют передаче особой эмоциональной окраски языка данного писателя или произведения. Как много, например, теряют в своей самобытности и колорите при переводе на русский такие болгарские фразеологизмы, как: *гледам (карам) си кефа* = не знать, ни забот, ни хлопот, жить в свое удовольствие; *по кефа ми е нешо* = мне по душе что-либо, по мне; *да направя кеф* на някого = доставлять / доставить удовольствие кому-либо; *на кеф съм* = быть в прекрасном настроении, получать удовольствие; *кеф ми е* = очень сильно нравится делать что-либо и др. Так, например, и в русском языке фразеологизмы типа *отойти от мира сего*, *смежить очи* являются устаревшими фразеологизмами, *отправиться к праотцам*, *отправиться на тот свет* относятся к разговорному стилю, а *дать дуба* и *протянуть ноги* – к просторечию. Сравним и болгарские эквиваленты: *хвърлям топа*, *напълня / напълвам дупката (хендека, трапа)* и др. Естественно, при выборе подходящего эквивалента следует исходить из оригинала, чтобы через удачно подобранное соответствие передать все стилистические полутона. Высокое мастерство переводчика в большей степени заключается в его умении чувствовать все стилистические оттенки фразеологизмов как в тексте оригинала, так и в языке перевода.

В заключении можно отметить, что при переводе ФЕ одним из самых главных условий является умение распознавать в тексте фразеологизмы и отличать их от свободных языковых единиц. Наиболее продуктивный способ – это навык выделения в тексте противоречащих общему смыслу единиц, поскольку, как правило, именно появление таких единиц и свидетельствует о присутствии переносного значения. Второе важное условие – умение анализировать речевые функции фразеологизмов. Например, конфликт между переносным и буквальным значением нередко используется автором текста для обыгрывания каких-либо образных, эстетических, эмоционально-оценочных и других ассоциаций или для создания юмористического эффекта. Кроме того, фразеологизмы довольно прочно закреплены за определенными социально-культурными слоями общества и служат признаком опосредованного присутствия того или иного слоя в тексте. Далее, фразеологизмы имеют определенную стилистическую окраску: это могут быть элементы высокого, нейтрального или низкого стиля, профессиональные или другие жаргонизмы. Помимо проблемы распознавания фразеологизмов, переводчик встречается с национально-культурными различиями между сходными по смыслу фразеологизмами в двух разных языках. Совпадая по смыслу, фразеологизмы могут иметь разную стилистическую окрашенность, разную образную основу, наконец, разную эмотивную функцию. В любом случае при работе с фразеологизмами переводчику необходимо полагаться на целый ряд толковых фразеологических словарей, чтобы посредством соответствующих выразительных ресурсов языка правильно и полноценно отразить все фразеологическое многообразие и богатство языка при переводе.

ЛИТЕРАТУРА:

1. **Бабкин А. М.** Русская фразеология, ее развитие и источники.

Изд. 2-ое, 2009, 268 с.

2. **Багана Ж., Блажевич Ю. С.** Лексическая интерференция в условиях языкового контакта (на примере русского и португальского языков). Вестник ИГЛУ, 2011. С. 10–15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksicheskaya-interferentsiya-v-usloviyah-yazykovogo-kontakta-na-primere-russkogo-i-portugalskogo-yazykov/viewer>.

3. **Васева И.** Теория и практика на превода: учебник для студентов II и III курса русской филологии. София: Наука и искусство, 1980, 253 с.

4. **Голотова Т. А., Бекоева М. Т., Цакалиди Т. Г.** Теория общей фразеологии: учебное пособие. Сев.-Осет. гос. ун-т. Владикавказ: ИПЦ СОГУ, 2019, 138 с. URL: https://chrome-extension://efaidnbmninnipceajpcgclefindmkaj/https://media.nosu.ru/2020/12/m.-t.-bekoeva_sbornik-po-obshh-frazeologii.pdf.

5. **Голяк С. В.** Проблема интерференции при обучении русскому языку как инославянскому // Русский язык за рубежом, 2022. № 1 (290). С. 72–77.

6. **Комиссаров В. Н.** Теория перевода. Москва: Прогресс, 2000, 253 с.

7. **Комиссаров В. Н.** Современное переводоведение. 2-е изд., испр. Москва: Р. Валент, 2011, 410 с.

8. **Коновалова Э. К., Григорян Е. О.** Особенности способов и приемов перевода фразеологизмов различных языковых культур // Филология и лингвистика в современном обществе: Материалы I Международной научной конференции. Москва: Ваш полиграфический партнер, 2012. С. 109–113. URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/27/2300/> (дата на доступ: 15.05.2024 г.).

9. **Кошелев А. К.** Болгарско-русский фразеологический словарь: Около 9500 фразеол. единиц / А.К. Кошелев, М.А. Леонидова. Москва: Русский язык, София: Наука и искусство, 1974. 635 с.

10. **Леонидова М.** Лексическая интерференция на уровне словосочетания при изучении русского языка болгарскими. – Руски и западни езици, София, 1979, кн. 3.

11. **Молотков А. И.** Основы фразеологии русского языка. Ленинград: Наука. Ленингр. Отд-ние 1977, 284 с.

12. **Молотков А. И.** Фразеологический словарь русского языка / Под редакцией Молоткова А. И. Москва: Русский язык, 1978, 544 с. URL: <https://djvu.online/file/z7q1Gf8xauyHr> (дата на доступ: 28.10.2024).

13. **Рецкер Я. И.** Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / Дополнения и комментарии Д. И. Ермоловича. 3-е изд., Москва: "Р. Велент", 2007, 244 с.

14. **Шанский Н. М.** Фразеология современного русского языка:

учебное пособие. Изд. 6-е. Москва: Книжный дом "Либроком", 2012, 272 с.

REFERENCES

1. Babkin A. M. Russkaya frazeologiya, ee razvitie i istochniki. Izd. 2-oe, 2009, 268 s.
2. Bagana Zh., Blazhevich Yu. S. Leksicheskaya interferenciya v usloviyakh yazykovogo kontakta (na primere russkogo i portugal'skogo yazykov). Vestnik IGLU, 2011. S. 10–15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksicheskaya-interferentsiya-v-usloviyah-yazykovogo-kontakta-na-primere-russkogo-i-portugalskogo-yazykov/viewer>.
3. Vaseva I. Teoriya i praktika na prevoda: uchebnik dlya studentov II i III kursa russkoj filologii. Sofiya: Nauka i iskusstvo, 1980, 253 s.
4. Golotova T. A., Bekoeva M. T., Cakalidi T. G. Teoriya obshchej frazeologii: uchebnoe posobie. Sev.-Oset. gos. un-t. Vladikavkaz: IPC SOGU, 2019, 138 s. URL: https://chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://media.nosu.ru/2020/12/m.-t.-bekoeva_sbornik-po-obshh-frazeologii.pdf.
5. Golyak S. V. Problema interferencii pri obuchenii russkomu yazyku kak inoslavyanskomu // Russkij yazyk za rubezhom, 2022. № 1 (290). S. 72–77.
6. Komissarov V. N. Teoriya perevoda. Moskva: Progress, 2000, 253 s.
7. Komissarov V. N. Sovremennoe perevodovedenie. 2-e izd., ispr. Moskva: R. Valent, 2011, 410 s.
8. Konovalova Eh. K., Grigoryan E. O. Osobennosti sposobov i priemov perevoda frazeologizmov razlichnykh yazykovykh kul'tur // Filologiya i lingvistika v sovremenном obshchestve: Materily I Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Moskva: Vash poligraficheskij partner, 2012. S. 109–113. URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/27/2300/> (data na dostap: 15.05.2024 g.)
9. Koshelev A. K. Bolgarsko-russkij frazeologicheskij slovar: Okolo 9 500 frazeol. edinicz / A. K. Koshelev, M. A. Leonidova. Moskva: Russkij yazyk, Sofiya: Nauka i iskusstvo, 1974. 635 s.
10. Leonidova M. Leksicheskaya interferenciya na urovne slovosochetaniya pri izuchenii russkogo yazyka bolgarami. – Ruski i zapadni ezici, Sofiya, 1979, kn. 3.
11. Molotkov A. I. Osnovy frazeologii russkogo yazyka. Leningrad: Nauka. Leningr. Otd-nie 1977, 284 s.
12. Molotkov A. I. Frazeologicheskij slovar' russkogo yazyka / Pod redakciej Molotkova A. I. Moskva: Russkij yazyk, 1978, 544 s. URL: <https://djvu.online/file/z7q1Gf8xauyHr> (data na dosta: 28.10.2024).

13. Recker Ya. I. Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika. Ocherki lingvisticheskoj teorii perevoda / Dopolneniya i kommentarii D. I. Ermolovicha. 3-e izd., Moskva: "R. Velent", 2007, 244 s.

14. Shanskij N. M. Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka: uchebnoe posobie. Izd. 6-e. Moskva: Knizhnyj dom "Librokom", 2012, 272 s.

Татьяна Терзиева

главный ассистент, доктор филологии

Шуменский университет им. Епископа Константина Преславского

г. Шумен, Болгария

t.terzieva@shu.bg

РИНЦ; SPIN-код: 7991-9442, AuthorID: 895887

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6965-3075>

Рецензии

Рецензия на монография: Терзиева Т. В. Стилистическият, структурно-семантическият и лексикографическият аспекти терминологията на тежестното автомобилостроение: Монография. Шумен, Изд-во ШУ им. Епископа Константина Преславскогo. 187 с. ISBN: 978-619-201-676-0 (online)

DOI: <https://doi.org/10.46687/VNLY9626>

Представеният за издаване текст е на базата на защитен дисертационен труд на д-р Татяна Васильевна Терзиева на тема: „*Терминология автомобилостроения: стилистическият, структурно-семантическият и лексикографическият аспекти*“.

Монографичният труд е с обем 187 страници, структурирани в 8 части: увод, 3 глави, заключение, библиография (327 заглавия), списък на речниците и справочниците (45), приложения (3).

Структурата е издържана в духа на научните изследвания от този тип. Изложението с логична последователност разкрива проблематиката на монографията и тезите на авторката.

Уводът изяснява избора на темата и нейната актуалност, определя предмета, обекта, целта и задачите на монографичната разработка. В него се прави заявка за научен

принос, теоретична и практическа приложимост на изследването; набелязва се методологичната база на анализа.

Първата глава *„Терминологията като обект на лингвистичното изследване“* представя изходната теоретична и методологична база на изследването. Разгледани са съществени актуални проблеми на терминологията, кореспондиращи с конкретния анализ в следващите глави.

Основно място заема проблемът за същността на термина и проследяването на трите основни гледища по този въпрос. Обосновава се разбирането на терминологията като език за специални цели.

Втората глава *„Терминосистемата на тежкото автомобилостроене“* проследява възникването и развитието на терминосистемата на тежкото автомобилостроене, нейните основни понятия в руската и българската терминология, спецификата на терминообразуването и терминологичното словосъчетание в двата езика.

Материалът е организиран в четири основни тематични групи, обособени са основните характеристики на руското и българското терминообразуване.

Подробно са анализирани продуктивните начини за образуване на термините: морфологичен, синтактичен и семантичен. Изведени са съответните средства, които се използват в процеса на терминообразуването. Анализираните термини се подлагат на статистически анализ.

Прави се опит съществуващата класификация на терминологични словосъчетания да бъде уточнена чрез въвеждането на лингвистичния термин *„терминологема“*.

Третата глава на монографията *„Руската и българската терминография в областта на автомобилостроенето“* представлява естествено продължение на описания в предните глави системен лингвистичен анализ на терминологията в плоскостта на конкретното му

практическо приложение в лексикографската разработка на термините от автомобилостроенето.

Проблематиката на тази глава обхваща въпроси на типологията и параметрите на терминологичните речници; спецификата на отрасловите речници, проблемите на регулирането на отрасловите термини. Отделено е внимание на двуезичната руско-българска техническа терминография.

Анализирайки съществуващите терминографски източници, авторката установява, че терминологията на автомобилостроенето като тематично обединение представлява обширен лексикален пласт както в руския, така и българския език, но в речниците тя е представена в твърде ограничен обем. Подчертава се необходимостта от усъвършенстване на нейния терминологичен апарат, а също разширяване на обхвата чрез включване в речниците на лексика, използвана при оформянето на документи, свързани с транспортирането на автомобилите, митническото им обслужване и предприемаческата дейност.

На базата на събрания и анализиран материал авторката осъществява задълбочен логико-понятиен и лексикографски анализ на три модела специализиран речник на терминологията на автомобилостроенето, които отчитат еднокомпонентните и многокомпонентните термини. На практика се разработват три подхода за създаването на терминологичен речник на автомобилостроенето, който е предназначен за широк кръг потребители от автотранспортни предприятия, автолюбители, преводачи, преподаватели, студенти, докторанти, изследователи и др.

Модел 1 (Приложение А): *преводно-тълковен тематичен речник-справочник*, структуриран в осем тематични групи. Термините и терминологичните съчетания се тълкуват на руски и български език.

Модел 2 (Приложение Б): *преводен илюстративен речник*, в който преводните съответствия на руските термини

се онагледяват с графични изображения. Въведени са индекси (поредни номера), които улесняват търсенето на руския термин и неговия превод на български. Като пример в приложението се дават цветни графични изображения на *предния, средния и задния водещ мост* на автомобил и техните части. Обозначават се термините, които ги назовават.

Модел 3 (Приложение В): *преводен руско-български речник*, който включва *Основен словник* на руските термини и *Азбучник* на българските, снабден с индекс. Фиксират се основно термини от автомобилостроенето, а също така термини от други гранични области. Построен е на азбучно-гнездови принцип и включва всички компоненти на традиционния двуезичен речник: изходна дума (заглавна дума) – руски еднословен термин или терминологично съчетание с ударение; граматични бележки (род и число); български еквивалент(и).

Заклучението обобщава основните теоретични положения и практическите резултати от анализа на руската и българската терминологична система на тежкото автомобилостроене.

Приложенията нагледно представят описаните речникови модели на терминологичната система на автомобилостроенето.

Съдържанието на монографията разкрива както способността на авторката да структурира и разработи сложно научно съчинение, така и много доброто познаване на научната литература в областта на терминологията. Илюстрира умело боравене със сложната и в определени случаи противоречива терминологична теория, обосновано аргументиране на възприетите и своите виждания, логично и последователно формулиране на обобщения и изводи.

Темата на монографичния труд е изключително актуална. Актуалността се определя от редица важни

фактори. Ще отбележим най-вече липсата на системно описание и лексикографски разработки за терминологичната подсистемата на автомобилостроенето в руския и българския език, за които има реална потребност. Темата се вписва и във всеобщата активизация на изследванията, посветени на различните терминологични подсистеми, породена от развитието на науката, техниката и съвременните технологии.

Проблематиката несъмнено се нуждае от разработка и монографията е първи опит в руско-българското терминознание за последователно системно описание и съпоставителен анализ на терминосистемата на автомобилостроенето. Смятам, че този опит е успешен и както показва това изследване резултатите имат теоретична приложимост в терминознанието и практическа – в преводаческата и лексикографската практика и в обучението на студенти.

Актуалността определя и значимостта на целите, които си поставя авторката в изследването – системно лингвистично описание на терминологичните единици и разработка на лексикографски модели за руско-български специализирани речници.

Достигането на целите и решаването на поставените задачи се осъществява чрез подходящи изследователски методи – описателен, съпоставителен и (частично) статистически.

Монографичното изследване продължава усилията на българските русисти в съпоставителното изучаване на езиците за специални цели и несъмнено внася определени нови моменти в областта на терминознанието и терминографията. Освен казаното дотук, ще добавя още няколко важни момента.

Съществени приноси съдържа втората глава „*Терминосистемата на тежкото автомобилостроене*“, която отразява спецификата на терминологията на

автомобилостроенето и определя нейното място в терминологичната система.

Изведени са четири основни тематични групи: „Видове товарни автомобили“, „Устройство и конструкция на товарни автомобили“, „Производство на товарни автомобили“, „Техническа експлоатация“, които формират ядрото на анализирана подсистема.

Термините са изследвани в съпоставителен план от гледище на формирането на лексикалния състав на терминологичната подсистема: авторката обособява три основни начина за образуване – морфологичен, синтактичен и семантичен.

Чрез статистичен анализ е определена тежестта на посочените начини на образуване в руския и българския език, което дава основание на авторката да направи извод за голямото сходство на процесите в двата езика и да обособи съществуващите различия.

Като се има предвид сложността на единиците, възникващи по синтактичен начин, напълно закономерно е вниманието на авторката към термините словосъчетания и опитът ѝ да запълни липсата на адекватен термин за комбинираните (терминологема).

На базата на принципите за формиране и функциониране на анализираната терминологична система, структурно-семантичните особености и спецификата на процеса на образуване на термини в двата езика е представено задълбочено лингвистично описание на термините, които назовават основните конструктивни елементи на товарния автомобил.

Приносни елементи се откриват и в разработения лексикографски аспект (глава 3). Описани са принципите на лексикографската обработка на терминологията на автомобилостроенето, предлагат се три модела, които са известни в лексикографската практика. Ценното в случая е,

че те дават основата за съставяне на двуезични речници и справочници, които много по-пълно ще обхванат състава на този терминологичен пласт и ще задоволят практическите нужди от такъв тип информация за преводаческата практика и специализираното обучение по руски език. Това впечатление се потвърждава и от образците на моделите в трите приложения към монографията.

Към всяко научно изследване могат да бъдат направени някакви критични забележки и препоръки. Ще си позволя да обърна внимание на две, според мен, неточности.

Струва ми се, че не е особено подходящо определянето на вторичната терминологизация като *терминологизация на термините*, тъй като общоупотребителната дума е получила функция на термин (т.е. думата вече е терминологизирана) и този термин получава вторично такава функция в същата или друга подсистема.

Терминът *терминологема* „терминологични словосъчетания от комбиниран тип, включващи два, три, четири и повече компонента ...“ най-малкото е спорен. Той не се вписва в моделите на съществуващите термини от този тип, тъй като: а) термините от типа на *мифологема*, *идеологема*, образувани с помощта на *-логема*, означават единичност от някаква съвкупност: мифологема '*составной элемент мифа*'; идеологема '*один из элементов идеологии как совокупности взглядов и представлений, из которых складывается самосознание народа*'; б) термините от типа на *морфема*, *лексема*, *семема*, образувани с помощта на *-ем(а)*, означават отвлечени обобщени понятия на единици на езиковия анализ в противовес на конкретната им проява: *морф*, *лекса*, *сема*.

Струва ми се, че при бъдещи изследвания Т. Терзиева би могла, ако сметне за необходимо, да вземе предвид горните аргументи. Бележките в никакъв случай не пречат на високата оценка на работата и нейното значение за

терминологичната теория, преводаческата практика и за специализирането обучение по руски език.

Общото впечатление от монографията на Татяна Терзиева е изключително положително. Работата е сериозен и самостоятелен труд, в който намираме както добра библиографска осведоменост, така и аналитично мислене, умение за анализ на езиковия материал, формулиране на изводи и обобщения, които звучат логично и убедително. Ще добавя още добрата четивност на работата, прецизирането на основните теоретични постановки и безспорната ѝ практическа насоченост.

Гочо Недев Гочев

Професор, доктор по филология
ВТУ „Св. Св. Кирил и Методий“
gochev_g@abv.bg

Рецензия на монография: Николова, Д. Г. „Лингвокултурен аспект на съвременната компютърна терминология (на материал на руски и български езици)“. Шумен: УИ „Епископ Константин Преславски“, 2021. 263 с. ISBN 978-619-201-542-8 (print), ISBN 978-619-201-543-5.

DOI: <https://doi.org/10.46687/WUSP9960>

Предоставената за рецензиране монография е съдържателна и интересна. Изборът на темата е продиктуван от факта, че у нас все още липсва систематизирано описание на компютърната терминология, в още по-голяма степен липсва съпоставително руско-българско изследване в тази област, а в същото време конкретните компютърни единици лавинообразно увеличават броя си и биват използвани от все по-широки потребителски маси. Като обект на изследването се определя руската компютърна терминология, представена на фона на българския ѝ еквивалент. Предметът на изследването е, разбира се, по-конкретизиран – тук авторката спира вниманието си върху езиковия и социокултурния аспект на компютърните термини.

Дияна Николова си поставя една доста амбициозна цел – да определи екстралингвистичните и лингвистичните параметри на компютърната терминосистема и нейната лингвокултурна специфика в двата изследвани езици, като възприема едно малко разширено тълкуване на термина *лингвокултурен*. Тя включва в неговия обем езиковите и

социокултурните особености, характеризиращи формирането и функционирането на компютърната терминология. Всъщност такова разбиране е оправдано от самото название на термина, макар че той претърпява немалко различни интерпретации у различните изследователи.

Задачите за постигане на основната цел на работата са очертани пределно ясно. Тази ясност е плюс за изследването. Но тя дава и повод за известни забележки. Така целта „Уточняване на понятията *термин*, *терминология*, *терминосистема*“ звучи доста претенциозно, защото както е известно и както личи от самото изложение вече много автори са извършили такава уточняваща процедура, но мненията не винаги съвпадат. Следователно, авторката е трябвало да се възползва от направеното вече и да избере най-подходящите за работата ѝ варианти, което тя и прави. Тук ми се иска да добавя, че известна допълнителна ясност по този въпрос щеше да внесе запознаването ѝ с речника на когнитивните термини, съставен от Майя Пенчева и Александра Багашева, но той, за съжаление, не фигурира в списъка на литературата. Отбелязвам специално тази липса, защото тя особено се чувства в едно изследване, в което компютърният термин се разбира като сложна, многослойна езикова единица, като „лингвокогнитивно средство на езика и инструмент за професионална комуникация“. Библиографията е наистина богата, но в нея липсват някои съвременни англо- и франкоезичниезични изследвания на терминологията и това проличава в наличието на отделни тавтологични дефиниции от типа „...най-важният признак на *терминосистемата* е системността и логическата връзка между съставлящите я компоненти...“. Система без системност няма, а логическата връзка между компонентите е по дефиниция задължително качество на всяка система.

Без да се спирам подробно на всичките поставени задачи ще отбележа, че най-важната от тях според мен е

дескрипцията на начините за терминообразуване и терминологична номинация в близкородствените езици и в нейното решаване е основният принос на авторката. Разбира се, голямо практическо значение има и представянето на тематичната класификация на компютърната терминология, адресирано към масовия читател. Тук Дияна Николова е може би първият наш езиковед, съчетал строго научните си задачи с практическата подготовка на широкия читателски кръг; тя е съставила триезичен речник на компютърните термини, чиято цел е „на достъпен език да бъдат обяснени най-популярните термини от сферата на ИТ, основно от стандартните софтуерни Office пакети под управлението на операционната система Windows, както и в най-използваните браузъри за работа в Интернет“.

Авторката сполучливо разделя компютърните термини на изконни, заети и хибридни, като се базира на диахронното виждане за техния произход и като отчита ролята на другите науки (кибернетика, математика, физика, химия, радиотехника и проч.), без които би било невъзможно създаването на специален език на информатиката и електрониката. Лингвистичната разработка на въпроса за компютърната терминология започва с класифицирането им на лексико-семантични групи. Този подход отразява разбирането, че основният въпрос на съвременната лингвистика, а и на всяка лингвистика въобще, е въпросът за значението. Друг важен момент в тази част на работата е несамоцелното използване на статистическите изследвания на конструктивните характеристики на термините и убедителното твърдение, че компютърната терминология следва световната тенденция за икономия на езиковите средства в речевата практика на говорещите. Убедително звучи и твърдението, че компютърните термини се подчиняват на всички дериватологични правила, на които се подчиняват останалите лексеми в живите езици, а различията

трябва да се търсят в активността на начините за терминообразуване.

В работата се чувства една добра дозировка на синтагматичните и парадигматичните наблюдения. Тази уравновесена дихотомия ни дава възможност да се убедим, че в зоната на полилексемните термини и в двата езика забележимо се активира моделът *причастие (активно или пасивно) + същ. име*, напр. рус. *всплывающее меню* / бълг. *изскачащо меню* и под. Този извод има по-широко значение, защото той показва една нова тенденция на възраждане на ролята на причастията и в двата езика и особено е важен за българския език, в който фреквентните измерения на причастната употреба в последно време силно се отличават от тези отпреди няколко десетилетия. Това върви паралелно с активизацията и на деепричастията, за която компютърната терминология едва ли има някаква заслуга, но в рамките на големия процес аналогия може да се предположи, че векторните изменения в една морфологична и дериватологична област могат да стимулират подобни и в друга морфологична област.

Авторката проследява йерархичните връзки в полевата структура на терминосистемите по линията *ядрен термин – микрополета – микрополета от по-ниско равнище* с цел да посочи родово-видовите връзки, демонстриращи системността и логиката на построяването на ИТ терминологията. Това ѝ се отдава много успешно. За не толкова успешно намирам разглеждането на функционално-прагматичните параметри на компютърните термини. В тази част на труда се фиксират вече достатъчно добре известни неща от типа на разграничаването на стандартната и субстандартната терминология, но тук в един ред са поставени професионализмите и жаргонът, което ми се струва неправомерно. Трябва да отбележа, разбира се, и силния момент, който ми направи впечатление в този раздел

– това е признаването на факта, че в ИТ терминологията можем да говорим за размитост на границите между ядрото и периферията и да разглеждаме всички пластове като неделима част от терминосистемата. Изследването на размитите граници (*fuzzy boundaries*) е един от най-важните въпроси на много съвременни лингвистични направления с когнитивен характер, защото те подпомагат изясняването на въпроса за способността на човешкия мозък да оперира с недоизяснени понятия, имащи недоуточен обем и неясно очертан параметър. Това е въпрос и на лингвистичната прагматика, която изучава сложните комуникативни ситуации, гарантиращи силно компромисно разбиране между интерпретатор и адресат поради разликите в изграждането на понятийните им системи.

Тук бих добавила, че когато говорим за прагматични констатации, не се ръководим въобще от предложеното навремето от Пражката школа виждане за център и периферия в изграждането на езиковата архитектура. И наистина, как бихме могли да говорим за център и периферия в зоната, където се наблюдава странното и непонятно за неизкушения потребител явление диграфия (*web-дизайн, update-нуть* и под.)?

Въпросът за терминологичната номинация е поставен в монографията много сериозно в рамките на три аспекта – като лингвистичен, когнитивен и културен процес. Разглеждайки дискуссионните въпроси при трактовката на терминообразуването, авторката проявява много добра осведоменост и, както се вижда, не отъждествява терминообразуването с обикновената деривация, а приема възгледите на Х. Сейгър, М. Попова и техните съмишленици, че терминообразуването не е свързано само с външната форма на лексикалната единица, а е много по-сложен процес, отразяващ възникването на нов обект, неговото осмисляне, категоризиране, концептуализиране и обозначаване с

езикови средства. При изложението на възгледите на споменатите учени ми липсва конкретна декларация за тяхното приемане или неприемане. Лично аз съм склонна да приема по принцип подхода на Сейгър, но в същото време той ми се струва малко краен, тъй като и при нетерминологичната номинация понякога се наблюдават същите етапи на процеса. Друг е въпросът, че в съвременния свят се наблюдава бум на терминологичната номинация, предизвикан от напълно известни екстралингвистични причини. Същото изискване бих имала и към приемането или неприемането на подхода на Л. П. Крисин при разглеждането на заемките. Искане ми се да чуя от авторката приема ли виждането му за асимилация на терминоединиците посредством адаптирането им към граматичните норми на езика приемник и интеграцията им в него.

Намирам за много точна и коректна констатацията на авторката, че превръщането на термини от различните науки в компютърни е характерна особеност на компютърната терминология. Всъщност, тя тук поставя въпроса за така наречената вторична терминологизация, която според справедливата ѝ забележка води до междусистемна омонимия и се превръща в основа за образуване на нови понятия. И тук тя се представя като прецизно мислещ лингвист – веднага забелязва своеобразния дериватологичен продукт, образуването на нови словообразователни гнезда. За описания процес се използва напълно сполучливият и точен термин транстерминологизация, под който се разбира определен вид семантична индукция. Семантичната индукция, разбираана като чуждоезиков импулс за обрастване на домашна дума с ново или дори нови значения, е един от най-важните въпроси на съвременната лингвистична контактология и Дияна Николова се докосва до него деликатно, но напълно професионално. Също така на фона на всички разсъждения за транстерминологизацията

деликатно и елегантно е разгледан въпросът за концептуалната метафора като продукт на най-сложния вид метафоризация, при която по-малка роля се приписва на външния облик на думата, а се търсят същностни връзки между съпоставимите обекти на съдържателно ниво. Същност по този път върви съвременната контенсивна типология на езиците и макар че тя не е в зрителното поле на изследователката, тук отново проличава нейното задълбочено вникване във водещата роля на значението при задвижването на лингвистични процеси с най-различен характер.

Още от времето, когато Едуард Сапир въвежда термина *езиков модел (pattern)*, няма сериозен езиковедски труд, в който да не се поставя по някакъв начин въпросът за основата на основите на всеки език, за моделите. Затова напълно естествено звучи постановката на въпроса за словообразователните модели в компютърната терминология. Те са описани в работата много прецизно и едва ли се нуждаят от специален коментар. Но въпреки това ми се иска да отбележа нещо, което много положително характеризира разглежданата работа. Разглеждането на всеки конкретен въпрос с конструктивен характер е подплатено със солидна теоретична мотивация и това прави изследването много убедително. Така при разглеждането на метафората като начин за изразяване на лингвокултурна специфика за осмисляне на света Дияна Николова се базира на виждането на А. П. Чудинов, според когото метафоричният модел представлява съществуваща в колективното съзнание на носителите на даден език взаимовръзка между понятийни сфери, при която системата от фреймове от една област става база за моделиране на понятийната система на друга сфера.

Споменатата изходна позиция води направо към въпроса за лингвокултурната специфика на компютърните

терминосистеми и тук вниманието е съсредоточено главно върху процеса асимилация на заемките. Те, от своя страна, се разглеждат като неусвоени, полуусвоени и усвоени, като във всяка от споменатите групи се очертават своеобразни множества в зависимост от степента на усвоеност и фреквентност на употребата. Отделя се специално внимание на хибридните (полуусвоените) единици, на термините с междинен статус и др., като не е лишена от вниманието на авторката вариантността. Нещо повече, в монографията се поставя много важният за съвременната лингвистика въпрос от областта на новото научно направление вариология – въпросът за свойството на езика да реагира едновременно, но не непременно в еднаква степен на екстралингвистичния и интралингвистичния фактор при номинациите, на междуезиковите и интеркултурните контакти и проч. И именно тук е мястото да спомена, че граматичната адаптация на заимстваните термини се определя като най-сложна, защото тя при цялата си външна „невинност“ винаги засяга архитектурата на езика приемник. С други думи, можем да говорим за известно надмощие на екстралингвистичния фактор над интралингвистичните закони в зависимост от комуникативните нужди на обществото. Каква по-убедителна илюстрация можем да търсим за известното твърдение на Н. Д. Арутюнова за абсолютната командна позиция на прагматиката по отношение на семантиката и граматиката? Граматиката на всеки жив език е по-стабилна от прагматичните ситуации, възникващи в него, но именно тя, тази езикова архитектура, може да загуби съпротивителната си сила в така наречените вибриращи звена и постепенно да започне да преминава от едно структурно-конструктивно състояние в друго. Дияна Николова не си поставя целта да доказва или опровергава тази теза, но в нейната монография се съдържа богат доказателствен материал за преустройството на езиковите

системи. И именно потенциалната възможност за преустройството на системите лежи в основата на факта, че в тях наред с чисто езиковия аспект се откроява и така нареченият лингвокултурен аспект. Той от своя страна способства терминологията на всяка научна област да се оформя като самостоятелна подсистема на общоупотребимия език със своя специфика. В монографията тази специфика е показана като наличие както на паралелни, така и изпреварващи линии в руски и български при усвояването и адаптацията на компютърните термини. Авторката правилно е отбелязала, че и в двата езика терминосистемите остават отворени при цялата съвременна интернационализация на терминологията и това е безспорно така, защото отвореността на всички множества в живите езици е тяхно obligatorно свойство по дефиниция.

За труда на Дияна Николова може да се говори още много и особено ако се навлезе в конкретиката, свързана с анализа на отделните термини, със съставянето на речника и т.н. Но това е област, която и без специален анализ е повече от ясна за внимателния и професионално ориентиран читател. Отделните забележки и препоръки, направени от мен по хода на разглеждането на монографията целят само нейното окончателно доизглаждане и подобряване, но по никакъв начин не омаловажават достойнствата ѝ. Това е изследване, извършено самостоятелно, добросъвестно, теоретично добре подплатено и изключително полезно за практиката – не само в преподаването на компютърна грамотност, но и за обикновените ползватели на ИТ технологиите.

Стефана Петрова Димитрова

Доктор на филологическите науки, професор
Институт по български език „Проф. Л. Андрейчин“, БАН
stediru@abv.bg

**Анна Димитрова Николова
(1942–2023)**

Доц. д-р Анна Николова родилась 1.09.1942 г. в Шумене. Окончив Софийский университет имени Св. Климента Охридского по специальности “Русская филология” в 1965 году, она вернулась в Шумен и начала работать учительницей в школе. В 1972 году стала преподавателем русского языка в Шуменском высшем педагогическом институ-

те, а в 1973 году поступила в очную аспирантуру в Московский государственный университет.

В 1977 году А. Николова первой из русистов в университете успешно защитила диссертацию на соискание научной степени кандидата филологических наук на тему “Инфинитивные предложения в русском языке и способы их передачи на болгарский язык” и, вернувшись в Шумен, стала ассистентом кафедры русского языка Шуменского университета. Должность доцента А. Николова получила в 1985 году. На кафедре русского языка она стала читать лекции по синтаксису современного русского языка и теории перевода. Кроме этих основных дисциплин она читала лекции по сопоставительной грамматике русского и болгарского языков и сопоставительному синтаксису. Ею также были подготовлены лекционные курсы по ряду дисциплин учебного плана для студентов-филологов и

стажеров, среди которых: *Теория речевой деятельности, Контрастивная лингвистика и перевод, Лингвистические основы художественного перевода, Проблемы функционального описания русского языка, Категория побудительности в русском и болгарском языках, Категория локативности и способы ее выражения в языке* и др.

А. Николова – автор более 100 научных трудов. Центральное место в ее научных изысканиях занимают вопросы системного описания и сопоставления синтаксических единиц русского и болгарского языков, функционального описания языка, некоторые проблемы теории перевода, теории речевой деятельности и прагматики. Она сосредоточила свое внимание на системной соотносительности типов простых предложений в обоих языках, на теоретических и практических проблемах функциональной лингвистики, на функционировании языковых единиц в речи. Особое внимание в ее работах уделяется вопросам, связанным с теорией речевой деятельности, с изучением структуры речевого общения, с речевыми стратегиями и тактиками коммуникантов. Автора привлекают особенности построения различных типов дискурса и текста в их кооперативном и конфликтном режимах, проблемы авторизации, а также особенности Я-повествования в различных типах текста. Теоретическим и прикладным аспектам системного описания синтаксиса посвящены учебник по синтаксису современного русского языка и ряд студий и статей, в которых освещаются спорные теоретические проблемы и осуществляется сопоставительное описание простых предложений в русском и болгарском языках. Объемные студии посвящены общему описанию систем простых предложений, инфинитивным, обобщенно-личным и неопределенно-личным предложениям в обоих языках. С позиций функционального подхода осуществлено сопоставление предложений, выражающих значения побуждения,

желания, именования, квалификации и характеристики, долженствования и возможности/невозможности. Проблемы функционального описания языка занимали большое место в исследовательской деятельности А. Николовой.

Под ее руководством были разработаны научные проекты *“Функционально-семантические типы предложений в русском и болгарском языках”*, *“Функциональный подход к языку и тексту”* и *“Язык и коммуникация”*. В результате этой работы было написано несколько учебных пособий и монографий, защищены две диссертации, а также издается научный журнал *“Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков”*. С большой ответственностью относилась доц. А. Николова к своей преподавательской работе. Постоянно обновляя свои лекционные курсы, она знакомила студентов со сложными и интересными проблемами современной теоретической лингвистики. Помимо чтения лекций, проведения семинарских и практических занятий и консультаций, она с полной самоотдачей руководила докторскими диссертациями и дипломными проектами, передавая ученикам свои знания, профессиональный опыт и любовь к филологии.

Доц. А. Николова была руководителем первого в университете, а, пожалуй, и в нашей стране научного проекта, в рамках которого осуществлялись исследования по функциональной грамматике. Этот проект положил начало функциональной школе Шуменского университета. Имя доц. А. Николовой хорошо известно за пределами Болгарии. Она была участником многочисленных научных форумов: международных конгрессов МАПРЯЛ, конференций, симпозиумов у нас и за рубежом. Ее исследования опубликованы в авторитетных научных изданиях в Болгарии и за рубежом (в России, Германии, Сербии, Казахстане и др.). Доц. А. Николова была желанным автором в зарубежных изданиях, благодаря ее широкой начитанности и

исследовательским умениям. Научная объективность, требовательность к исследовательскому труду и научная компетентность были причиной ее привлечения в качестве рецензента докторских диссертаций, процедур по присуждению научных званий, монографий и других научных сочинений. Доц. А. Николова была редактором ряда авторитетных научных изданий. Деловые качества помогли ей стать хорошим администратором.

Доц. А. Николова была долгие годы руководителем Кафедры русского языка, деканом Института русской филологии, а также проректором Шуменского университета. На этих постах она проявляла компетентность, работоспособность, ответственность к работе кафедры, факультета и университета. Она была исключительно порядочным, скромным, сердечным человеком, всегда готовым оказать помощь каждому. Научная и преподавательская деятельность доц. А. Николовой не раз отмечалась почетными грамотами, наградами и отличиями: орденом Кирилла и Мефодия; Почетным золотым знаком и званием „Профессоро гонорис кауза“ Шуменского университета; Наградой Мэрии г. Шумен за вклад в развитие высшего образования и др.

Коллегиум

Валентина Николова Аврамова
(1944 – 2024)

Валентина Аврамова родилась 1 мая 1944 года в учительской семье. Окончив гимназию в Шумене, она поступила в Софийский университет на отделение Русской филологии. Параллельно она закончила вторую специальность французский язык и сдала экзамены на получение права

преподавать стенографию. После окончания университета на протяжении нескольких лет она преподавала русский и французский языки в гимназии им. Н. Й. Вапцарова, в Экономическом техникуме и в Химическом техникуме города Шумена. С 1970 года несколько лет занимала должность начальника Отдела культуры Шуменской мэрии.

В 1974 году В. Аврамова начала работать на кафедре русского языка Шуменского университета на должности ассистента. В 1980 году в Ленинградском государственном университете она защитила диссертацию на тему *Семантико-стилистическая характеристика прилагательных русского языка в предикативной функции в сопоставлении с болгарским языком*. В 1988 году ей было присвоено ученое звание доцента, а в 2009 – профессора. Проф. Аврамова всегда принимала активное участие в жизни университета. Была профсоюзным деятелем, деканом, заместителем декана факультета гуманитарных наук, руководителем кафедры русского языка. С 2009 по 2023 год она руководила Центром русистики в Шуменском университете.

На кафедре русского языка В. Аврамова долгие годы читала лекции по стилистике, теоретической и сопоставительной лексикологии, а в последние годы и по новой для русистики научной дисциплины – лингвокультурологии, проводила и практический курс перевода для студентов русской филологии и прикладной лингвистики. Заслугой В. Аврамовой является ориентация кафедры на изучение и описание языка делового общения. На протяжении нескольких лет под ее руководством разрабатывался научный проект по изучению языка бизнеса и по его сопоставительному описанию в русском, болгарском и турецком языках, в результате чего был издан трехязычный словарь и учебные пособия для студентов по тематике деловой речи (Русский язык для деловых людей. Шумен: УИ “Епископ Константин Преславски”, 1996, Руско-българско-турски и българско-руско-турски речник за бизнесмени. Шумен: УИ “Епископ Константин Преславски”, 2004, 520 с.; Руски език и турски език в деловата сфера. Шумен: УИ “Епископ Константин Преславски”, 2006, 384 с).

В. Аврамова первой из болгарских русистов начала работать в русле лингвокультурологии и в 2007 году издала монографию „Лингвокультурология“. В качестве учебной дисциплины лингвокультурология впервые в Болгарии была включена в учебный план специальностей Русская филология и Прикладная лингвистика в Шуменском университете. Несколько позже эту дисциплину стали изучать и в других университетах Болгарии. Научные интересы В. Аврамовой в последние годы были связаны с работой по изучению и описанию русской и болгарской ментальности, с сопоставлением ряда концептов, составляющих ядро языковой картины мира, и их восприятия носителями разных языков и культур. Ею опубликовано более 100 научных статей и статей в Болгарии и за границей. По этой проблематике В. Аврамова неоднократно выступала на

различных международных научных форумах (в Варшаве, Белграде, Ташкенте, Ерзуруме, Бухаресте, Киеве, Магдебурге, Лёвене), участвовала в работе всех конгрессов МАПРЯЛ, начиная с 1990 года – в Москве, Регенсбурге, Братиславе, Санкт-Петербурге, Варне, Шанхае. В. Аврамова является членом редколлегий ряда авторитетных славистических изданий: журнала “Stylistika” (Ополе); “Вестника Московского государственного областного университета” (Москва); “Cuadernos de rusistica Espanola” (Гранада); “Studia Rossica Gedanensia” (Гданск).

Проф. Аврамова посвятила много времени и усилий Обществу русистов Болгарии. С 2003 по 2011 год она была заместителем председателя, а с 2011 года – председателем Общества русистов Болгарии и принимала самое активное участие в организации целого ряда научных форумов и мероприятий, в том числе и конгресса МАПРЯЛ в Варне в 2007 году. С 2011 года она является членом Президиума МАПРЯЛ и активно участвовала в деятельности этой организации.

В. Аврамова была членом Союза ученых Болгарии, участвовала в органах управления целого ряда общественных культурных и просветительских организаций: народного читалишта имени Д. Войникова в Шумене, фонда имени известного болгарского композитора Панчо Владигерова, Славянского общества, Координационного совета форума „Болгария – Россия“, клуба „Чайка“ в Софии и др.

Активное участие В. Аврамовой в жизни города Шумена связано не только с ее неизменным присутствием в его культурной и общественной жизни, но и с работой по составлению объемного труда „Энциклопедия Шумена“, в авторском коллективе которого она была не только автором, написавшим более 150 страниц текста, но и ответственным редактором тома. В течение многих лет В. Аврамова собирала личный архив, а также материалы о событиях

общественной и культурной жизни города, которые впоследствии передала в фонды различных организаций (Исторический музей города Шумена, Государственный архив, читалиште имени Д. Войникова и Шуменский университет).

Научная, просветительская и общественная деятельность проф. Аврамовой была отмечена целым рядом наград: Медалью Климента Охридского (1987); Почетным знаком Общества русистов Болгарии (1991); наградой города Шумена за достижения в области науки (2008); Почетным дипломом дарителя мэрии г. Шумена (2012), Почетным золотым значком Шуменского университета (2012).

Коллегиум

Христинка Добрева Дамянова (1956–2022)

Гл.ас. д-р Христинка Добрева Дамянова – преподавател по руски език ШУ „Епископ Константин Преславски”, откривател и творец в науката, забележителен филолог. Родена е в с. Белгун, област Добрич на 07.01.1956 г. Баща ѝ е работил като агроном, майка ѝ е имала полувисше образование. Проявява интерес и способности към изучаването на чужди езици в училище. Завършва с отличие средното си образование и Руската езикова гимназия, в гр.Варна. Приета е студентка във ВПИ гр. Шумен и се дипломира през 1977 г. със специалност руска филология. След завършването на висшето си образование от студентската скамейка директно на преподавателска позиция, получава през 1978 г. покана за работа като асистент във ВПИ гр. Шумен. Не само чете, но и пише много – статии, книги, учебници, пособия и др., които получиха високо признание. През 2014 г. ѝ е присъдена научна степен доктор по филология (Славянски езици (съвременен руски език)).

Научните интереси на Христинка Дамянова са в областта на съвременния руски език (морфология и синтаксис), функционалната граматика, теорията и прагматиката на превода. Подробно в дисертацията си и в публикации подробно анализира полето на пасивността в съпоставителен план. В редица публикации изследва семантиката на руските глаголи по отношение на категорията интензивност, категорията модалност и нейното изразяване в изречението; занимава се с превода

имперфектните конструкции, на okazjiонализмите, компаративните фразеологизми и др.

Много обича и харесва град Шумен и университета, където работи и посвещава своята научна кариера. Тя остави пример за достоен живот, богат на постижения, пред които скланяме глави в знак на почит и любов. Беше тиха и скромна, посветила всеки миг от живота си на работата си, творческите си проекти и идеи, на семейството си. Достига признание в научната си кариера не само в ШУ, но и в други университети. Безкрайно почтен човек, скромен, мъдър, надарен с таланти, тя остави ярка и уникална следа в световната наука и в сърцата на хората, които я познаваха като всеотдайна личност.

Колегуим